

Борис Мышлявцев

Осьминог

Неонуарная киноповесть

18+

Борис Мышлявцев

Осьминог. Неонуарная киноповесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67238966

SelfPub; 2022

Аннотация

Небольшой портовый город на Тихоокеанском побережье скрывает свои неприглядные тайны под маской скучной обыденности. Главный герой, следователь Роман, написавший заявление об увольнении, расследует свое последнее дело: убита дочь крупного чиновника. Действие происходит на фоне личных проблем Романа и его психологической травмы. Версии ветвятся и множатся. Маньяк? Ритуальное убийство? Наркобизнес? Политическая месть? Правда оказывается весьма неприятной для героя.

Содержание

ГЛАВА 1. «Девушка в песках»	6
ГЛАВА 2. «Царство мрачное Аиды»	16
ГЛАВА 3. «Мы веселые дельфины»	29
ГЛАВА 4. «Романтический вечер»	44
ГЛАВА 5. «Продолжение банкета»	56
ГЛАВА 6. «Награда для героя»	63
ГЛАВА 7. «Саурон»	73
***	82
ГЛАВА 8. «Свастика»	84
ГЛАВА 9. «Ложная красострия»	95
ГЛАВА 10. «Матрос в отпуску»	108
ГЛАВА 11. «Импровизация»	117
ГЛАВА 12. «Поздравления»	123
ГЛАВА 13. «Лернейская Гидра»	130
***	136
ГЛАВА 14. «Проводы»	141
ГЛАВА 15. «Грусть»	147
***	151
ГЛАВА 16. «Диалоги об эмпатии»	152

Борис Мышлявцев

Осьминог. Неонуарная киноповесть

...Корабли приходят – а потом снова уходят. Им нет дела до хаотично-скучной жизни небрежно раскинутого по оплывшим краям прибрежных сопок Города. Заезжий матрос может, конечно, мимоходом прикоснуться к этой жизни, напившись водки с томатным соком в угрюмом баре вроде «Морской Звезды» или даже в стерильно-безжизненных «Одноклассниках». Ближе к утру, потирая распухший от чьего-то удара нос, он выйдет на блестящую влажным асфальтом площадку у бара, попытается вызвать такси, а потом плюнет и, неразборчиво матерясь, побредет в сторону моря.

Мимо пронесется, грохоча музыкой, полная хохочущих девушек японская тачка – и снова все стихнет. А матрос поймет вдруг, что потерял где-то свои кроссовки – и сейчас шлепает по лужам в одних носках. Он остановится. Вспомнит, что до «Морской звезды» в «Одноклассниках» познакомился с какой-то татуированной девушкой, а потом они пошли к ней в замкнутую многоугольником пятиэтажку из серого силикатного кирпича. Да, вот там-то он и разулся. Но где эта татуированная девушка? Где этот дом? А черт их знает! Матрос покачает головой и побредет дальше – вниз, к мерцаю-

щим в тяжелом тумане огонькам порта. Чужеземный муравей, на пару ночей одурманенный феромонами незнакомого муравейника.

ГЛАВА 1. «Девушка в песках»

Роман курил вторую сигарету подряд. Мелкий дождь покрывал высунутую в окошко руку бисеринками воды, но сигарета не гасла. Он сидел на пассажирском месте, а за рулем была его любовница Лена – тоненькая, провинциально-эффектная блондинка лет тридцати. Большие, как бы удивленные серые глаза, чуть припухшие губы, покрытые ярким лаком длинные ногти. Роман щелчком отбросил сигарету в дальнюю лужу и провел рукой по ежику немного поседевших волос.

Чуть поодаль от их машины высилась огромная скульптура. Бетонная женщина с несколько изможденным лицом напряженно всматривалась в океанскую даль. На согнутой правой руке женщины сидел каменный малыш, левая рука – бессильно повисла. Вокруг ее массивной головы бесцельно кружилось несколько молчаливых ворон.

Лена щелкнула по рулю обломанным красным ногтем и спросила:

– Хочешь повести машину?

Роман отрицательно покачал головой.

– Нет. Я же объяснял тебе – больше не могу. И вообще: я дал себе зарок – никогда за руль не садиться.

– Ты вроде и с алкоголем собирался завязывать, – усмехнулась Лена.

– А я итак почти завязал, – довольно убедительно сказал Роман и пошарил рукой в бардачке.

Он извлек оттуда початую, зеленоватого стекла бутылку виски и философски заметил:

– Вот почему виски, купленный в Японии – хороший, а такой же, но купленный у нас – полная херня?

Роман поболтал виски, сделал небольшой глоток, медленно закрутил крышку, поставил бутылку между коленей.

– Не передумал увольняться? – спросила Лена.

– Нет. Я уже давно хотел. С самого момента трудоустройства.

– У тебя просто кризис. Это пройдет, – сказала Лена, немного наклоняясь к нему. – А работа ведь хорошая. Платят стабильно – и для общества полезная.

Узкой рукой она погладила его колено.

Роман глотнул виски и сказал:

– Мне как-то разонравилось изучать людей. А тем более – изучать их трупы. И причины, по которым люди становятся трупами раньше запланированного природой срока.

– А кого ты хотел бы изучать? – поинтересовалась Лена.

Роман посмотрел на нее удивленно:

– Как кого? Да вот хоть дельфинов. Или осьминогов. Я же до армии три курса на океанологии отучился.

– И кто же нынче оплачивает изучение осьминогов? Торговцы с Морского рынка? – насмешливо поинтересовалась Лена.

– Осьминогов изучают очень активно. Это ведь самые умные из беспозвоночных, – назидательно сказал Роман. – По интеллекту они сравнимы с кошкой или собакой. А в чем-то они даже и поумнее будут. У них есть самосознание. Они способны ставить себе долговременные цели и достигать их. Но при этом их разум совсем иной, чем у нас. Или чем у собак. У них абсолютно нет никаких эмоций в отношении своих собратьев. Ни-ка-ких. Вон, стоит каменная женщина, смотрит на океан, ждет своего мужа из рейса. А осьминожиха не стала бы так стоять, потому что ей было бы все равно.

Лена удивленно приподняла аккуратно подведенные брови:

– Никаких эмоций? Но ведь даже собака любит своих щенят... Или своего хозяина.

– Осьминожиха к своим детишкам равнодушна. Если бы ей волю дали – она бы их просто съела.

– И кто же ей воли не дает? – поинтересовалась Лена.

– Природа, – ответил Роман. – Когда самка осьминога рождает своих осьминожиков, у нее полностью выключается чувство голода. Она ничего не хочет и не может есть. Поэтому, когда проходит положенный срок, она просто умирает от истощения.

Роман закурил новую сигарету. На площадку, где они стояли, въехал еще один автомобиль, постоял буквально несколько секунд, развернулся и уехал обратно вниз, обдав водяными брызгами стайку нахохленных воробьев. Внизу

сгущалась пелена опалесцирующего тумана, из которого, подобно шеям доисторических животных, торчали стрелы портовых кранов. Дождь пошел чуть сильнее, уже не мелкой моросью, а вполне серьезными, весомыми каплями застучал в заплаканное стекло.

– У сестриногo мужа сорок дней будет. Ты тоже приходи, – сказала Лена, и негромко включила радио. Болтливый диджей неуместно весело сыпал пустыми словами, словно комбайн по очистке семян подсолнечника выбрасывал из своего рта какую-то шелуху. В конце своей путаной речи он выругал к тому, что в этот пасмурный день просто сам Нептун велел послушать раритетную запись старой доброй группы Мумий Троль. Мумий Троль пропел:

Я обдуваемый всеми ветрами
И на ресницах моих лед.
Это мои застывшие слезы, здесь
Я начинал свой поход.
Видишь: этот серебряный свет в ночи
Отражение битых стекол на дне морей
Или осколки лопнувшей души...
Мчавшейся вверх, подгоняемой стаей камней.

– А я там зачем, на сорок дней? – немного удивленно спросил Роман.

– Все-таки вы же знакомы, – пожала плечами Лена. – Вы-

разишь соболезнавания, поддержишь морально.

– А как там Даша? – поинтересовался Роман.

– Грустит, конечно. Отца она любила.

– А с Ингой они нормально?

– Да как сказать... – немного неуверенно ответила Лена. –

В целом – нормально. Она хоть и мачеха – но не такая, как в сказках. Инга всегда была доброй, хотя так сразу по ней и не скажешь.

Перебивая Мумий Троля, зазвучала вдруг мелодия из «Саммер Тайм». Роман выудил из кармана джинсов старенький смартфон. Надпись на треснувшем экране лаконично сообщала: ГенСтеп.

– Да, Геннадий Степанович.... – Роман скривил лицо и жестом показал Лене: выключи музыку. – Ого... Где? Понял. Сейчас буду.

– Что там? – спросила Лена.

– Убийство вроде, – вздохнул Роман. – На пляже тело нашли. Завезешь на работу?

– Конечно, – кивнула Лена, и мотор тихонько заурчал.

– Только сначала домой заскочу на минутку, окей?

Лена снова кивнула, мельком скользнув по лицу Романа многозначительным взглядом и не очень одобрительно усмехнувшись.

Роман быстро взбежал на третий этаж старой хрущевки. Стены в подъезде были, конечно же, того самого советского зеленого цвета. Их казенная зелень была наивно разукрашена розовыми фигурками добрых слоников, олимпийских мишек и каких-то то ли обезьянок в юбочках, то ли представителей одной из далеких стран, выбравших некогда социалистическую ориентацию.

Он открыл ключом дверь и уже намеревался не разуваясь пройти в кабинет, как его окликнул полный спокойного раздражения женский голос:

– Ты куда это обутый?

Роман только теперь заметил сидевшую за кухонным столом Иру. На столе перед ней дымилась чашка крепкого кофе, были разложены рубашками вверх карты Таро.

– Да я быстро. Возьму кое-что.

Помедлив, он разулся и прошел в кабинет. Ну как кабинет... С первого взгляда видно было, что это – бывшая детская комната, лишь недавно начавшая притворяться кабинетом. Роман глянул на фотографию сына, на покрытую фотографиями каких-то корейских певцов стену. Взял кожаную сумку, сунул в нее ноутбук и небольшую фляжку виски. Уходя, остановился перед дверью в кухню.

Ира смерила его деланно-равнодушным взглядом, встала

и подошла к окну. Внизу у подъезда стояла знакомая ей машина.

– На пляже девушку нашли. Или девочку. Мертвую. Вроде убийство, – сказал Роман, стараясь выговаривать слова как можно естественней и непринужденней.

Ира ничего не ответила. Она продолжала смотреть в открытое каплями мутноватое окно.

Роман легонько хлопнул по висевшей на плече сумке, как бы ставя точку в каком-то длинном рассказе и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Ира наблюдала, как он выходит из подъезда, садится в серебристую машину и уезжает. Затем она вернулась к столу. Постояла несколько секунд, а затем вылила нетронутый, еще горячий кофе в холодную металлическую раковину.

На пустынном, поросшем пожухлым кустарником берегу его уже ждала дежурная группа. Знакомые лица: выдавший виды следак Андрюха, молодой опер Цой, веселый криминалист Дима, девушка-кинолог с каким-то инопланетным именем (Аэлита?) и циничный пожилой медик Артем Сергеич. Чуть поодаль стоял какой-то незнакомый Роману спортивного вида крепыш лет шестидесяти. Справа над берегом нависала раскрошенная бурая скала и грунтовка прижималась там к самой воде. У этой скалы и лежало одетое в яркую си-

ную куртку тело.

Все обернулись к Роману. Обменялись приветствиями, а следователь Андрияха спросил:

– Тебе дело дали?

Роман неопределенно кивнул:

– Попросили пока данные взять. А так вряд ли. Наверное, Пашка достанется. Он в отъезде сейчас, завтра приезжает. Что тут у нас?

Андрияха потер щетинистый подбородок, носком кроссовка аккуратно прикоснулся к скорчившемуся на обочине телу:

– Труп девушки. Вот гражданин, он обнаружил.

Свидетель с достоинством кивнул:

– Я по субботам обычно приезжаю сюда, искупаться.

– Искупаться? Вода ж ледяная уже! – удивился Роман.

– А я каждую субботу купаюсь – если погода позволяет, да если льда нет. Вот уже двадцать лет.

– Ого! – с уважением отреагировал Роман.

Свидетель продолжал:

– Да... Так вот, обычно я с утра пораньше езжу. А сегодня закрутился что-то, поехал уже в двенадцатом часу. В одиннадцать тридцать пять здесь был – тело увидел. Сразу в полицию позвонил.

Порыв ветра принес откуда-то пакет с рекламой Морского рынка: веселенький осьминог, держащий в вздетых вверх щупальцах буквы М и Р. Пакет потанцевал немного в возду-

хе, а потом приземлился на голову трупа. Криминалист аккуратно убрал пакет и отбросил его в сторону.

Роман включил телефон на запись и спросил:

– Кто-то еще здесь был, когда вы приехали?

– Да в это время года народу тут и не бывает. Сколько езджу – никого и не встречал в такое время. И сейчас не было никого. Я вдоль кустов аккуратно ехал, увидел – лежит что-то на обочине. Вышел – и сразу как-то понял, что она мертвая. Я ей щеку потрогал – холодная, как камень. Сразу вам позвонил...

– Тело не двигали? – спросил Андрюха. В своей легкой курточке он ежился от стылого морского ветерка. Молодой оперативник Цой тоже продрог. Все это время он стоял молча, энергично двигая челюстью – жевал резинку.

Свидетель отрицательно покачал головой.

– Вы пока в машине посидите, хорошо? – дружелюбно сказал Роман и легонько подтолкнул мужчину к его старенькому внедорожнику.

Свидетель немного нехотя подчинился.

– Полосы на песке видите? Тело несколько метров протаскивали по песку, – сказал криминалист. Роман кивнул и спросил:

– Вы все тут сфотографировали? Тогда давайте аккуратно перевернем.

Артем Сергеич медленно перевернул на спину похожее на куклу тело. Потрогал щеку тыльной стороной ладони. Аэли-

та метрах в двадцати от них в это время что-то объясняла умной собаке. Собака внимательно слушала свою молодую начальницу, время от времени кивая лобастой головой.

Артем Сергеич встал, отряхнул руки.

– Чуть выше виска ссадина, кровоподтек спускается на скулу, – сказал он, обращаясь к Роману. – Похоже на сильный удар тяжелым тупым предметом... Не очень жестким, не железкой. Травма прижизненная, нанесена за несколько часов до смерти. По самому первому впечатлению смерть наступила несколько часов назад. На лице следы, предположительно от скотча – видимо, ей заклеивали рот.

– Давайте с местом тут все закончим – и дальше в стационарных условиях, – проворчал замерзший Андрюха.

Криминалист Дима наклонился над телом, долго смотрел на искаженное смертью лицо девушки. Немного удивленно сказал:

– О! Блин, а ведь я знаю ее. Это дочка мэра нашего. Оперативник Цой перестал жевать свою резинку.

ГЛАВА 2. «Царство мрачное Аиды»

Геннадий Степанович через большое увеличительное стекло внимательно рассматривал крупную серебристую монету. Хороша! Он придвинул настольную лампу, щелкнул выключателем – лампа моргнула и погасла. Черт! В дверь громко постучали, и только он намерился было ответить – в кабинет ввалился бесцеремонный Роман.

– Проходи, присаживайся, – кивнул головой в сторону стула Геннадий Степанович и продолжил свое нумизматическое исследование. Роман убрал со стула стопку бумаг, положил ее на угол стола и сел. Он взглянул на застекленный шкаф, где перед книгами торчали многочисленные бюстики Владимира Ильича Ленина: их Геннадий Степанович коллекционировал, так же, как и редкие монеты, ордена и медали уже несуществующих или непризнанных государств и прочие странные и не очень интересные с точки зрения Романа штуковины.

– Замечательная монета, – наконец-то проговорил Геннадий Степанович. – Редкая! Островная Федерация Сен-Пол и Талула. А знаешь, кто изображен на монете?

– Английская королева? – предположил Роман.

– Ни за что не догадаешься. Вот, смотри!

Геннадий Степанович протянул Роману блестящий кругляшок.

Роман взял монету, посмотрел на изображенного на ней парня в шлеме.

– Так это же Гагарин, – удивленно сказал он.

– Точно. Гагарин, – с довольной улыбкой подтвердил Геннадий Степанович, убирая увеличительное стекло в выдвижной ящик стола. – Монета выпущена в тысяча девятьсот шестьдесят первом году в честь первого полета в космос. Чтут дикари подвиг русского человека! Но это ладно. Они там периодически выпускают такие монеты с разными историческими личностями. Для коллекционеров. А ты подпись прочитай внимательно.

Роман снова посмотрел на монету, прочитал:

– Гагарин.

– Ты внимательней смотри, это же латиница.

Геннадий Степанович потянулся, поправил галстук и налил себе полчашки очень крепкого черного чая из стоявшего на столе фарфорового чайничка с японским иероглифом «покой».

– Тогда получается – ГагаПин. «Эр» они по-русски написали, без палочки.

– Вот! – многозначительно усмехнулся Геннадий Степанович. – Ошибка вышла. Таких монет успели только пробную партию отчеканить, 30 штук. Потом форму исправили. А у коллекционеров именно эти монеты с ошибкой как раз и ценятся. В нашем коллекционерском обороте таких монет – всего десять на весь мир. И одна теперь мне досталась.

Геннадий Степанович забрал у Романа монету, положил ее в специальный чехольчик и убрал в стол. Затем сказал назидательно:

– Иногда цена ошибки очень высока.

Геннадий Степанович отхлебнул своего чернейшего чая, который он называл «купчиком» и призывал не путать его с чифиром, а затем перешел на служебный, деловой тон:

– Ладно, рассказывай.

– Что рассказывать? – пожал плечами Роман. – Я про мое заявление спросить хотел.

– Не передумал? И куда на старость лет пойдешь?

– Найду что-нибудь, – уклончиво ответил Роман. – Не такая уж и старость.

Геннадий Степанович вздохнул.

– Хорошо. Но об этом мы потом поговорим. А сейчас смотри, какая ситуация. Павел в Крае задержится, у матери со здоровьем что-то, он по больнице вопросы решает. Так что дело мы за тобой закрепляем. Закончишь – и свободен, как муха в полете.

– Да уж... – протянул Роман не слишком довольный. – А больше некому поручить?

Этот вопрос его шефом был проигнорирован.

– Опознание провели? Точно она? – Геннадий Степанович достал из стола початую шоколадку, откусил от нее здоровенный кусок и запил своим темным и жутко горьким напитком. Шоколадку он убрал обратно в стол.

– Да. Терновских Аида Вячеславовна.

– Понимаешь, что дело особенное? – серьезно спросил Геннадий Степанович. – Ты-то уйдешь, а нам с этим мэром еще жить да жить. Горсовет весь его, так что и на новый срок переизберут.

– Да все я понимаю, – немного насупился Роман. – А если бы она не мэра дочь была? А простого работяги с рыбзавода?

– Ладно, ладно, – Геннадий Степанович сделал рукой успокоительный жест. – Если бы... Если бы дочь работяги с рыбзавода – внимание СМИ поменьше было бы, сам понимаешь. А вот если дочь хозяина рыбзавода... Да хер с ними со СМИ. У него в Крае по нашей линии знаешь, какие подвязки есть? Так что задача простая – убийцу найти, доказательства вины собрать... И желательно побыстрее. Сейчас сформируй следственную группу под это дело. От меня что надо будет – подпишу. Машину не начал водить?

Роман отрицательно покачал головой.

– Ты смотри, какие мы нежные, – усмехнулся Геннадий Степанович. – Несчастный случай, с кем не бывает? Ладно, закрепим за тобой Сашку. С завтрашнего дня. А сегодня так перекантуешься, с кем-нибудь из ребят.

– Сегодня ехать вроде и не надо никуда, – сказал Роман, вставая и намереваясь уходить.

– Как это не надо? Надо. К Терновских домой поедешь. Он тебя ждать будет. Отнесись к беседе неформально.

– Это как? – удивился Роман.

– Какие-то вещи для понимания надо будет зафиксировать, а для протокола – необязательно. Ну что я тебе объясню? Ты не мальчик вроде, сам все понимать должен.

Лена сосредоточенно вела машину, иногда дежурно улыбаясь репликам словоохотливого пассажира.

– Лето у вас плохой, дождливый лето. Развэ у вас арбуз растет? Пробовал я его. Большой – но совсэм нэ сладкый. У нас нэ большой – очен сладкый, – мечтательно говорил пассажир.

– У нас тоже арбуз сладкий, – вежливо и преувеличенно разборчиво, отчетливо произнося звуки возражала Лена

– Нэт, нэ сладкый, – категорично возражал пассажир.

Попсовым хитом десятилетней давности зазвонил ленин телефон. Не отрывая взгляда от дороги она нашарила на панели трубку.

– Да... Да, могу... Сейчас, только пассажира завезу по адресу... Да минут через пять... Да, знаю. Это на Горке, возле озера.

Лена положила телефон на панель, а пассажир спросил:

– Дэвушка, тэлэфон свой скажете?

Лена, не отвлекаясь от дороги, молча сунула ему простенькую визитку.

– Приехали.

Пассажир протянул ей помятую ветхую купюру и с надеждой спросил:

– Я вам завтра позвоню?

Лена взглянула на него довольно прохладно:

– Только по поводу вызова такси.

Машина с мягким шипением затормозила рядом с Романом. Некоторое время они молча ехали по извилистой городской улице, протянувшейся вдоль крутого горного склона. Неподдалеку от администрации Лена остановилась, не выходя из машины взяла в автомате баночку горячего кофе с молоком и они поехали дальше, туда где цепочка пятиэтажек прекращалась и начинался подъем на Горку – коттеджный микрорайон, куда почти не долетала черная пыль от угольных терминалов. У шлагбаума они остановились, Роман перебросился парой слов с охранником, помахал красной корочкой в приоткрытое окошко и они медленно двинулись дальше по разбитой грунтовке. По бокам высились новые массивные коттеджи разной степени роскошности и аляповатости.

Возле довольно скромного двухэтажного дома они остановились. Лена осталась в машине. Она достала зеркальце и начала что-то подправлять в своем тщательно сработанном макияже. Роман вышел, позвонил в звонок.

Дверь открыл сам Терновских, крепкий полный мужчина

лет пятидесяти пяти. Роман вспомнил старое прозвище Вячеслава Максимовича Терновских. В лихие девяностые был он больше известен под прозвищем Слава Кашалот, известен не только в Городе, но и за его пределами. Роман показал Кашалоту удостоверение, тот молча кивнул и жестом пригласил следовать за ним в дом.

Они прошли в просторный холл – чучела медведя, оленя и кабана, на стенах – пара пейзажей авторства каких-то безымянных художников. Сели за большой стол с могучими резными ножками, Роман положил на дубовую столешницу телефон и включил его на запись.

– Не надо, выключи, – резким жестом остановил его Терновских. – Так поговорим сначала. А потом уже для протокола.

Роман согласно кивнул.

– Дочь с вами проживала? – спросил он.

– Да. А позавчера она у подруги ночевать осталась. С утра оттуда должна была на занятия пойти. Это новый дом возле мореходки. Машину не брала, отсюда на такси уехала. Вчера утром позвонила перед занятиями, сказала что вечером у них какие-то планы, что еще останется, скорее всего. Вчера вечером не позвонила – а я значения не придал. Да если честно, даже и не подумал, что надо бы связаться. Закрутился как-то...

Терновский тяжело встал, подошел к окну, где серела осенняя хмарь.

– Опять дождь крапает... – негромко сказал он.

– Враги у нее были? Подозрительные знакомства? – спросил Роман. Терновских не оборачиваясь и продолжая смотреть в окно ответил:

– Нет, какие враги? И подозрительных знакомств не было. Я бы этим знакомствам сразу башку отвернул. Враги у меня были. И есть. Я бы две версии отработал на вашем месте.

– Какие? – Роман достал из сумки блокнот, приготовился записывать.

– Вот первая для начала. Она не очень вероятна, но отработать надо. Напротив пятого микрорайона мы собираемся новый угольный терминал строить. Собственники – москвичи, но из наших тоже есть люди в доле.

– А вы в доле? – зачем-то спросил Роман.

Терновских повернулся к нему:

– И я в доле. Жители микрорайона против строительства, естественно. Да и вообще жители города. Угольная пыль от терминала будет, черные легкие и прочие страхи нагоняют.

Он подошел к столу, сел.

– А будет угольная пыль? – спросил Роман.

– Будет, конечно, – чуть заметно усмехнулся Терновских. – Куда от нее денешься. Но городской бюджет получит дополнительные налоги. Все жалуются на разбитые дороги – вот и починим их. Освещение уличное восстановим на Третьей Речке. Да много чего еще сделать можно. Но этим... эко-активистам – хрен что докажешь. Есть там такая сума-

шедшая, демшиза восьмидесятых. В годах тетка, но очень активная.

– Славуцкая, что ли?

– Точно, Славуцкая, – кивнул Терновских. – Блогерша, тудить её налево. В общем, она про меня дрянь всякую пишет. Я с ней судился уже трижды, два раза выиграл. Но что ей штрафы эти копеечные? У нее знаешь, кто спонсоры? Она опять пишет и пишет. Я решил плюнуть на нее и просто не читать. Но вот смотри, что эта сука позавчера утром написала.

Терновских достал телефон, полистал там что-то, протянул Роману. На экране под заголовком ГНИЛОЕ ЯБЛОЧКО он увидел фотографию улыбающейся Аиды Терновских, которую совсем недавно он видел в виде трупа с искаженным смертью лицом. Роман начал читать вслух текст заметки:

– «Яблоко от яблони недалеко откатывается. Аида Терновских выросла в атмосфере криминала и темных делишек, поэтому неудивительно, что...»

Терновских прервал его:

– Не, ты в конце читай, последний абзац.

– «... С учетом того, какую негативную карму наработал себе ее отец, можно не сомневаться, что жизнь Аиды Вячеславовны не будет ни счастливой, ни долгой. И закончится эта жизнь гораздо раньше, чем полагает ее папаша. Гораздо раньше». Ничего себе...

– Видишь, что эта тварь пишет? – с ненавистью сказал

мэр. – Похоже на угрозу убийства?

Роман с сомнением приподнял брови:

– Но все-таки – от пожилой блогерши ожидать таких насильственных действий...

Терновский как-то незаметно перешел на «ты»:

– А ты знаешь, что она привлекалась за совершение террористического акта?

– Да ну? – искренне удивился Роман.

– В девяносто первом году во время ГКЧП она взорвала машину первого секретаря горкома. Засунула в бензобак скомканную газету с портретом Ленина и подожгла. Машина взорвалась.

– Бред какой-то! – нахмурился Роман.

– А вот такая она, демшиза. Ее арестовали – а через три дня выпустили. И амнистировали. И Ельцин лично подписал ей благодарственную грамоту. Благодарю, мол, за вклад в нашу борьбу. Так что баба с придурью и способна на многое. Ее надо арестовать.

– Опросим ее обязательно. А вторая версия какая? Вы же говорили, у вас их две.

– Вторая версия тоже с терминалом связана. Решетниковские ребята просили им подряд на строительство отдать. Вы, говорят, нас вообще из города почти вытеснили. Не по людски, мол. Пацанов мол, кормить надо.

– Решетников же сидит.

– Решето сидит, на хозяйстве сейчас у них Бомбила остал-

ся. Они хотят опять в бизнеса разные зайти, – пояснил Кашалот. – Ну и говорят мне на стрелке... на деловых переговорах то есть – вот тебе срок три дня. А дальше по-другому придется.

– А вы что? – спросил Роман.

– А я что? Я их на хер послал, – презрительно сказал Терновских. – Их время кончилось, поздно пальцы гнуть. Ну я своим пацанам... Своим сотрудникам службы безопасности сказал: смотреть в оба.

– И когда истек срок их ультиматума?

– Вчера истек, – мрачно ответил Кашалот.

– А ваши пацаны... То есть служба безопасности – они вашу дочь охраняли?

– Нет. Она категорически против была. Ты, мол, мне всю жизнь так испортишь. Да и не было опасений. Мои разборки – это мои разборки. У нас в городе так не принято, чтобы через детей решать вопросы. Не по понятиям. Это как ядерное оружие применить – весь мир погибнет, гарантированное взаимное уничтожение.

Роман кивнул.

– Немножко не по делу вопрос, но для понимания. Почему Аида пошла в мореходное училище? Для девушки немножко странно. Да и с вашими возможностями... Вон, у Ермолаева сын в Сиэтле. У Тихарева дочь – в Саппоро. У Кима – в Сеуле.

– Она там не одна из девушек учится... Училась. Там

специальность есть «Логистика, управление перевозками на морском транспорте». Она говорит – хочу конкретную специальность, чтобы сразу можно было в бизнес пойти. Ты вот что. Ищи. А то мне придется самому действовать.

Роман снова открыл блокнот:

– Теперь для протокола давайте поговорим немного.

– Давай, – кивнул Терновских.

– Как одета была ваша дочь, когда из дома уходила?

Терновских пожал плечами:

– Обычно одета – куртка, джинсы. Шапочка. Цветная та-кая, с полосочками.

Роман вышел из дома, перед машиной отряхнул кроссовки от налипшего песка, плюхнулся на сиденье, привычным движением полез в бардачок.

– Ну что, поведал он тебе какие-нибудь страшные тайны? Расскажи! – попросила Лена.

– Поведал, – ответил Роман. – Ты Славуцкую знаешь?

Они тронулись. Терновских вышел на крыльцо и холодным взглядом провожал их машину.

– Которая против терминала все пишет? Правильно пишет, молодец, – оживилась Лена. Ты посмотри у меня дома – по подоконнику рукой проведешь – от угольной пыли ладонь черная. На хрена нам еще один терминал? Пусть за городом

строят где-нибудь. А что Славуцкая?

– Терновских ее в убийстве подозревает.

– Да ну, че за гон! Нашел убийцу, тоже мне. – фыркнула Лена. – Мало ли что она пишет... У нее образ такой, скандальный. Какие еще убийства? Смешно даже.

– Она у себя на страничке писала, что типа недолго жить осталось Аиде Терновских.

– Так конечно не долго, – усмехнулась Лена. – Эта Аида... Она же наркоманка конченная.

ГЛАВА 3. «Мы веселые дельфины»

Утром следственно-оперативная группа в полном составе (за исключением кинолога Аэлиты) собралась в тесном кабинете Романа. Отопление не работало, поэтому все остались в куртках. Роман включил чайник, достал из шкафчика стопку одноразовых стаканчиков и когда присутствующие расселись по шатким, советским еще стульям, уселся на свой стол и дал старт:

– Приступим.

Артем Сергеич открыл папку с исписанными его неразборчивым врачом почерком листками:

– Смерть наступила примерно за пять шесть часов до обнаружения тела от асфиксии. Жертву задушили, предположительно подушкой. Странгуляционной борозды нет. Руки и ноги довольно долгое время были связаны, имеются характерные потертости и кровоподтеки. В крови обнаружены следы фентанила. Между пальцами ног, под коленями и под языком – следы уколов. По ДНК почти ничего. Есть мелочи довольно много, а так чтобы выделить кого-то одного – нет. Единственная странность – обнаружена в довольно больших количествах ДНК дельфина.

– Кого-кого? – удивился оперативник Цой.

– Дельфина-белухи, – ответил Артем Сергеич, поправляя очки в тонкой металлической оправе.

– Дельфины у нас есть, – заметил Андрюха.

– Конечно есть, – согласился медик. – В НИИТОФе.

– Научный руководитель НИИТОФа у меня в универе научным был, – оживился Роман. – Я курсовики у него писал. Он из края несколько лет назад в НИИТОФ перешел работать. Ривкин Николай Арнольдович. Цой, давай-как к нему наведаемся сегодня, если он в воскресенье на месте. Я туда звякну на всякий случай. Но зная его, думаю, что на месте. У него понедельник начинается в субботу.

– Это как? – спросил не слишком начитанный Андрюха.

– Не важно, – отмахнулся Роман. – Фигура речи. Я с Ривкиным поговорю, а ты, Цой, с сотрудников данные снимешь – кто-где-когда.

Следующим отчитался криминалист Дима.

– На берег ее привез мужчина на легковой машине. Выходил из машины предположительно один, протащил по песку несколько метров. На одежде на спине у жертвы вроде следы моторного масла. Будем уточнять. А так похоже, что несколько часов ее где-то в гараже держали или на СТО каком-нибудь. Следов побоев, кроме первого удара по голове, не обнаружено.

Андрюха рассказал о результатах опросов:

– Опросили подругу, время выхода подтверждает. Поговорили с несколькими одноклассниками, кого нашли, в понедельник остальных на занятиях выцепим. Есть несколько деталей. Там вокруг мореходки забор. Со стороны противо-

положной от входа есть дырка. Многим, кто с той стороны идет, обходить лень – они через эту дырку проходят. Дом как раз с той стороны. Дальше после дырки до училища деревья, кусты густые. Если жертва была похищена по пути от подруги к училищу – там самое логичное место. Машину есть где поставить, но дорога почти непроезжая. Народу немного ходит, в основном все-таки через центральные ворота, остановка прямо рядом с ними, и стоянка для авто там же. Стукнули по башке в кустах, оттащили через дырку к машине. С окрестных домов машину не было бы видно, деревья закрывают. И второй момент. Однотруппники осторожненько так намекают, что у девки с наркотой проблемы были. Походу, фентанил херачила.

Артем Сергеич согласно покивал головой.

– Слушай, так фентанилом решетниковские же банчат? – спросил у Андрюхи Роман.

– Они самые.

Андрюха кинул в одноразовый стаканчик пакетик чая, залил кипятком.

– Так, Цой. Давай как ты лучше по этой теме поработай с Андрюхой. – распорядился Роман. – Ты же по наркоте в курсе примерно, кто и как? А в дельфинарий я сам съезжу. Ну что, хлопцы, по коням?

Геннадий Степанович мрачно разглядывал в увеличительное стекло памятную монету Островной Федерации Сен-Пол и Талулу. Пододвинул поближе настольную лампу, включил, а лампа как всегда сверкнула коротенькой вспышкой – и погасла. Он вздохнул, отодвинул лампу в сторону. Тук-тук.

– Войдите, – крикнул Геннадий Степанович. Роман вошел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Проходи, присаживайся, – пригласил его хозяин кабинета. – Представляешь – монета, судя по всему, фальшивая оказалась. У всех монет этого выпуска внизу – масенькая такая зазубринка есть. А у этой нет ни хера. А я за нее штуку баксов отдал. Вот лоханулся, так лоханулся. Ладно, рассказывай – что там по Терновских?

– Начинаем отрабатывать версии. Судя по всему, Аида Терновских наркозависимой была. А в этой среде у людей постоянно проблемы возникают. Бывает, что и за долги грохают. Цой с Андриюхой этой темой занимаются. Надо решетниковских пощупать.

– Решетниковских? – поморщился Геннадий Степанович. – Вы там осторожнее. У нас тут не сериал про мексиканские наркокартели. В данном случае мы убийство расследуем.

– Как понять осторожней?

– Городской порядок не нарушайте. Сейчас все на своих местах, все тихо. В девяностые, когда тебя тут еще не было – ты же знаешь, какие войны в городе шли. И за порт, и за рыбзавод. За квоты крабовые. А уж наркотиками как тут торговали – только шуба заворачивалась. Еле-еле мы тут все разгребли, ахматовских из города выкинули. Решетниковских утихомирили, сидят оптом на Японию занимаются. Ну что я рассказываю?

– Так если следы к ним вести будут... – начал было возражать Роман.

– Следы... – протянул Геннадий Степанович. – Ты сначала смотри – кому выгодно. Решетниковским это на хера надо? Любое убийство – помеха бизнесу.

– Терновских говорил, у него с ними напряг большой.

– У него с ними уже десять лет напряг, – пренебрежительно махнул рукой Геннадий Степанович. – И ничего, всегда в итоге мирно... ну, почти мирно решали свои деловые разногласия. Да даже когда Кашалот ахматовских мочил одного за другим – никто детей не трогал. Табу, заешь такое слово? Какая им выгода девчонку убивать?

– Но Терновских сказал, что... – опять было начал Роман, а Геннадий Степанович опять его прервал.

– Терновских – отец, потерявший ребенка. Думаешь, он сейчас способен здраво рассуждать?

Роман кивнул, нехотя соглашаясь с доводом шефа.

– Еще он на Славуцкую указывает. – сказал Роман. – Угрожала, мол, дочери его.

– А вот ее пощупай, – одобрительно сказал Геннадий Степанович. – Шизанутые – они и без выгоды действовать могут. Маловероятно... Но активистка – она и есть активистка.

– Еще след есть к дельфинарию. В НИИТОФ. ДНК дельфина на теле жертвы обнаружили.

– Что она, с дельфинами обнималась, что ли? – проворчал Геннадий Степанович. – Отработай. Но тоже осторожно.

– И дельфинарий осторожно?! Там-то что? – поразился Роман.

– Кто главный спонсор дельфинария? Рыбзавод. Кто хозяин рыбзавода? По бумагам – хе-хе – мама Терновских, – пояснил Геннадий Степанович, налил себе немного чая и залпом, как водку, проглотил.

– Ну уж явно Терновских не будет против нашей работы с персоналом НИИТОФа. Речь ведь об убийстве его дочери.

– Против работы по этому делу – таки да, против не будет, – согласился Геннадий Степанович. – И если что от него надо – то и поможет, конечно. Так что именно по делу и работай, на другое не отвлекайся. А то мне тебя вечно приходится удерживать от совершения героических и абсолютно ненужных поступков.

– Так ведь я так и собирался по делу. Ненужных поступков не запланировано. Ну, я пошел?

– Пошел, пошел. А скажи-ка – ты что, по служебным де-

лам с этой своей бабой новой ездить? Я же тебе Сашку выделил.

– Это кто вам настучал? – с неудовольствием поинтересовался Роман.

– Не настучал, а сообщил в порядке обеспокоенности за товарища и за эффективность его, этого товарища работы по важным для государства и общества делам. – назидательно поправил его Геннадий Степанович. – Постороннего человека вовлекать в служебные процессы весьма небезопасно. Мало ли что ты ей нарасказываешь – и мало ли кому она чего нарасказывает.

– Так я ничего секретного ей и не собираюсь рассказывать, – попытался оправдаться Роман. – И вот про посторонних. Жене своей вы же, наверное, тоже рассказываете про наши дела?

– Так это – ЖЕНЕ, – усмехнулся Геннадий Степанович. – Ладно, иди.

Они выехали из города, начали подниматься к перевалу по заполненному медленными осторожными фурами серпантину. Слева внизу блеснула хмурая гладь океана – и скрылась за зарослями покореженных тонких дубов с еще не облетевшими ржавыми листьями. Лена курила в открытое окошко, Роман рассказывал:

– В советское время шутили над названием института НИИТОФ – НИИ Тихоокеанского флота. Потому что там, действительно, в основном велись военные исследования для нашего флота. Например, боевых дельфинов дрессировали. Но это и на Черном море делали. А в НИИ ТОФе умудрились даже боевых кальмаров создать.

– Они бы еще боевого минтая создали. Или боевую устрицу, – хихикнула Лена.

– Ты зря смеешься. Видела в Ютубе ролики про тараканов на радиоуправлении? Большому таракану вживляют электроды вместо усиков. Таракан реагирует рефлекторно на импульсы тока – его нервная система воспринимает это, как сигналы от усиков. И можно им управлять, как машинкой на радиоуправлении, с помощью пульта. Влево-вправо, вперед-назад. И с кальмарами примерно тоже самое делали. Крупный кальмар развивает скорость в несколько десятков километров в час, как катер. Это самая настоящая живая торпеда. Крепится к нему управляющее устройство, заряд – и готово. Пытались стимулировать и более сложную моторику. У кальмара же, в отличии от дельфина, есть щупальца. Это, считай, те же руки. Если ими управлять дистанционно, как манипуляторами робота...

– Чего только не придумают. Скоро и нами вот так же управлять будут. Вживят какой-нибудь чип. Хоп – сигнал тебе на усики: купи вот эту помаду. Вот эту машину.

– Помаду ты и без чипа покупаешь ту, которую тебе ре-

клама подсказывает.

– Ну вот еще, – не согласилась Лена. – На меня реклама вообще не действует.

Роман посмотрел на нее с сомнением, а потом продолжил:

– А вот Николай Арнольдович – он вроде по военными разработками не работал. В основном занимался изучением интеллекта головоногих. Осьминогов, кальмаров, каракатиц. В универе кафедрой заведовал, а потом вот сюда в НИИ ТОФ перебрался. Видимо, тут удобнее изучать всех этих существ. А для него главным всегда наука была, все остальное по остаточному принципу. А человек хороший...

– А я тоже думала, Институт Тихоокеанского флота. А как на самом деле? – спросила Лена.

– НИИ тихоокеанской фауны. Морских животных изучают.

– А каракатицы тоже животные?

Роман вздохнул, с улыбкой покачал головой.

– В девяностые совсем финансирование сократилось, – объяснял Роману Николай Арнольдович. – Вот, в последние годы немного наладилось. И местный рыбзавод нам помогает – мы для них по рыболовству кое-что разрабатываем. И партнеры японские по совместным проектам на исследования подкидывают. Жить можно. Пойдем, я тебе своего Ва-

силія покажу.

Они отошли от большого водного вольера, в котором флегматично плавала пара белух. Одна из белух время от времени тыкалась носом в полусудувшийся разноцветный мячик, а потом снова замирала, как бы убедившись, что мячик – он все тот же.

– Это дельфина так зовут, Василием? – спросил Роман, пока они шли пустынными, давно не видевшими ремонта коридорами.

– Увидишь, – улыбнулся Николай Арнольдович..

Они вошли в его со вкусом оставленный кабинет. У стены – просторный аквариум, а в аквариуме – полуметровый осьминог с сонными инопланетными глазами. Роман приблизил лицо к стеклу и долго смотрел на осьминога. Тот смотрел на него, как бы прикидывая – чего от этого незнакомца ожидать?

Николай Арнольдович подошел к аквариуму, и осьминог оживился. Щупальца начали волнообразно извиваться, Николай Арнольдович постучал по стеклу:

– Василий, а вот тебе рыбка.

Он выпустил в аквариум небольшую рыбку из стоявшей рядом с аквариумом банки.

– Николай Арнольдович, мне бы список сотрудников, – сказал наконец Роман, оторвавшись от созерцания чуждой жизни.

– А это, милоч, тебе к директору надо. Персоналом он за-

нимается, так он завтра будет, – ответил Николай Арнольдovich, усаживаясь в пухлое кожаное кресло и жестом указывая Роману на изящный диванчик.

Роман сел.

– Ну да, завтра запрос ему завезут. А вы просто расскажите в двух словах – кто да что.

– У нас институт хоть и сокращали все эти годы – все равно, человек сорок работает. Половина – управленческий и научный персонал, половина – рабочие.

– Так много рабочих? – удивился Роман.

– А ты что хотел, – поднял брови Николай Арнольдovich. – Это, считай, целая звероферма. Животных кормить надо, бассейны чистить.

Из коридора послышался шум грузных грубых шагов. Издалека донесся чей-то голос:

– А Витька где?

– В убойном цехе! – громко ответил ближний голос, шаги удалились.

– В убойном цехе? – Роман посмотрел на Николая Арнольдovichа вопросительно.

Тот немного смутился:

– А это рабочие так препараторскую называют. Мы же не только поведенческой биологией занимаемся. Нейрофизиология – тоже одно из главных наших направлений. Иногда приходится осуществлять травматичное вмешательство. Бывает что и с летальным исходом, увы...

– Вживляете кальмарам дистанционное управление? – спросил Роман. Осьминог вдруг на мгновение весь вздыбился, ворох щупалец замелькал как на ускоренной съемке – а через мгновение он снова сидел на своем камне как ни в чем ни бывало. Только рыбки больше нигде видно не было.

– Что? – переспросил Николай Арнольдович. – Ах, вы про это... Ну, это дела давно минувших дней. Сейчас на это финансирование не выделяется. Вот, возьми, ежегодный сборник наших статей. Тут по всем профилям есть, от каждой лаборатории. Ты мне скажи, с чего это правоохранительные органы нашим институтом заинтересовались?

Николай Арнольдович вытянул из стопки на столе красочно оформленный довольно толстый журнал, протянул его Роману. Роман взял журнал, начал механически пролистывать.

– Я сейчас здесь неофициально. Хотел с вами неформально поговорить, про персонал. Это с деятельностью вашего института не связано никак. Простая уголовка.

– А, понимаю, понимаю... – с чуть заметным облегчением улыбнулся Николай Арнольдович. – Да, среди рабочих у нас разный народ попадается. Не гиганты мысли, прямо скажем. Некоторые побухивают. Зарплаты маленькие – кто сюда из работяг пойдет? Идет в основном, так сказать, люмпен-пролетариат. А нам куда деваться? За эти деньги только такой вот человеческий материал на рынке труда и можно приобрести...

В кабинет вошла Лена, заулыбалась:

– Здравствуйте! А я тут на ваших дельфинчиков посмотреть успела. Сколько тут живу – а их ни разу вблизи и не видела. В море издалека только, когда на катере катались...

– Это Лена, со мной, – пояснил Роман.

– Работаете вместе? – вежливо поинтересовался Николай Арнольдович.

– Ага, я расследование вести помогаю. По этому убийству, – бодро сообщила Лена.

Роман незаметно для Николая Арнольдовича сделал в адрес Лены грозное лицо.

– А кого убили? – встревожился Николай Арнольдович.

Роман нехотя пояснил:

– Девушку убили. Есть некоторые основания подозревать кого-то из ваших сотрудников. Кого-то, кто находится в близком контакте с животными.

– Да, контингент у нас такой... – вздохнул Николай Арнольдович. – Не то чтобы убийцы какие... Но есть, так сказать, с небезупречной биографией. Вот Павленко например, из убойного... Из препараторской то есть. Он за кражу сидел. Давно, в девяностые еще. По молодости оступился, говорит. Украл в киоске коробку крабовых палочек. Вроде исправился, нареканий по дисциплине и поведению нет. Но кто его знает? Завтра директор как придет, соберем всех – вы и побеседуете с каждым.

– Только вы пока никому, кроме директора, ничего не го-

ворите. Хорошо? – попросил Роман.

– Буду нем, как могила, – торжественно пообещал Николай Арнольдович.

На обратном пути они остановились на перевале, вышли из машины. Роман отпил немного, поставил бутылку на капот. Закурил.

– Ишь, как тут холодно! – сказала Лена. – Скоро здесь, на перевале, снег выпадет... Слушай, а может кто-то из работников этого дельфинария – маньяк какой-нибудь? Я там походила немного. На работников посмотрела – такие рожи попадают, не скажешь, что научное учреждение. Какие-то мясники с мясокомбината.

А там, по-моему, итак мясокомбинат, – с некоторой грустью ответил Роман. – Как побочное производство. А может и как основное.

– А кого ж они там...?

– Так их самых – дельфинов. В Японии их мясо очень ценится. А промышленный вылов запрещен.

– Запрещен, да... А еще видела паренька в очках – тощий такой, как скелет. Лицо на череп обтянутый кожей похоже. Одет во все черное – прямо сатанист какой-то. А помнишь, лет пять назад у нас в городе было дело сатанистов?

– Было дело, да... – вспомнил Роман эту мутную исто-

рию. – Но там ничего не доказали. Девушку же в итоге так и не нашли. А нет тела – нет дела.

– Конечно, не нашли, – усмехнулась Лена. – Лежит где-нибудь, отдыхает... На дне залива в бетонной бочке.

– Там как глава секты проходил странный человечек такой... Как же его, фамилия какая-то божественно-колхозная...

– Божественно-колхозная! – засмеялась Лена. – Это как?

– Во, вспомнил: Христенко! Отпустили его, никаких доказательств. Только показания одного сектанта. Так и у того справка из дурки. Мы, говорит, служили черную мессу Сауруну и принесли в жертву девственницу. А остальные отрицали все – он, говорили, псих. У него галлюцинации. А мы занимаемся медитациями и тантрой.

– Но ведь девчонка-то действительно пропала...

Какая-то птичка бесстрашно припрыгала к самому ботинку Романа и вопросительно остановилась. Он порылся в кармане, нашарил несколько зернышек арахиса, кинул их пичуге. Та радостно принялась склевывать зернышки.

А Роман сказал задумчиво:

– Да, факт. Девчонка пропала...

ГЛАВА 4. «Романтический вечер»

– Они действительно сейчас только оптом на Японию занимаются. – сказал Цой. – Местным фентанил не продают. Если кто и продает, так это в обход.

– Точно. У них порядок строгий, – подтвердил Андрюха.

– Вы что – прямо вот так верите бандитам? – насмешливо спросил Роман.

Цой чуть заметно улыбнулся. А Андрюха пояснил:

– Ну а че – серьезные люди, серьезный оптовый бизнес. Зачем им розница? От нее только проблемы. Если жертва у кого и брала – то это незапланированная утечка из оптового канала. Ребята и сами хотели бы знать, кто там у них фентанил отщипывает и налево пускает.

– Ладно, пока отложим эту версию, – согласился Роман. – Цой, ты в дельфинарий езжай. Директор в курсе. Он тебе сотрудников соберет. Возьми с них показания, проверь алиби. И присмотришь там к одному персонажу. Странный такой, очень худой, весь в черном.

Цой кивнул.

Все встали. Криминалист Дима хлопнул по своей папке:

– Вспомнил. В ране шерстяные крашеные волокна обнаружились.

– А шапки на жертве не было.

– Угу.

– На столе оставь, – попросил Роман.

Дима кивнул, вытащил из папки листок с данными экспертизы, аккуратно положил Роману на стол.

– За работу.

В кабинете остались только Роман и Андрюха.

– У тебя какие по этому делу мысли есть?

Андрюха пожал плечами:

– Да никаких пока. Не похоже, что из-за бизнес-разборок это – слишком уж жестко. После такого какие разговоры? После такого самого Терновских херачить надо было бы. А если такая решимость есть – так сразу с него и начали бы. Какой толк от убийства девчонки?

Роман кивнул.

– А версия с маньяком как тебе? – спросил он.

– А что, вполне возможно. Только странный маньяк какой-то. Следов сексуального насилия нет. Ничего ей не отрезал, даже и не раздевал вроде бы. Хотя... Кто их знает, что в голове у них, какие тараканы. Ладно, я с одноклассниками сегодня закончу. Может еще что выяснится. А жена Терновских когда приезжает?

– Завтра должна вроде. Но от нее толку большого не будет. Они вместе давно уже не живут. Так, числится только в качестве жены.

– Вон как. Ладно, я пошел.

Роман просматривал данные экспертиз, чертил на листке бессмысленные схемы, на которых кроме фигурки жертвы фактически ничего и не было – остальное пространство заполняли стрелки, которые вели к большим вопросительным знакам, то есть попросту – в никуда. Большие, некогда белые, но давно уже потемневшие от угольной пыли пластиковые часы отсчитывали время минута за минутой, час за часом. Роман закрыл дверь на замок, поднял скрипящие жалюзи, с усилием распахнул разбухшую от осенней сырости оконную раму. С подоконника шарахнулась испуганная птица. Роман быстрыми затяжками выкурил сигарету, отправил окурочек в дождливый полумрак. Закрывая окно, Роман увидел, что окурочек стукнулся о зонтик какой-то пожилой дамы. В это время зазвонил телефон.

– Тут у них ЧП, – сказал забитый цифровыми помехами голос Цоя.

– Что случилось? – напрягся Роман.

– Вроде несчастный случай. Этот твой знакомый, Ривкин. Нашли утром в бассейне, ну где дельфины. Утонул. Тут сейчас дежурная группа разбирается. Приеду – расскажу. Конец связи.

В дверь постучали, затем несколько раз требовательно дернулась ручка.

– Сейчас! – крикнул Роман, вспомнив, что дверь закрыл на ключ.

В дверях стоял Терновских.

– Мимо ехал, заскочил по пути. Рассказывай, – сказал он, усаживаясь на крякнувший под его весом советский стул.

– Рано пока рассказывать. Следствие только началось. Отрабатываем несколько версий. И вы, прежде чем заходить – звоните предварительно, окей?

– Со Славуцкой говорили? – Терновских решил перейти на «вы».

– Следственные действия мы не разглашаем. Уж извините, – развел руками Роман.

– Да ладно ты – не разглашаем. Я же с тобой делюсь информацией. Неформально, – снова затыкал Терновских и взял со стола чайный пакетик. Повертел его в руке, сказал:

– Такую дрянь в себя вливаете... Это разве чай?

Он пренебрежительно кинул пакетик на стол.

– Да мне как-то все равно, – пожал плечами Роман. – Лишь бы кипяток подкрасить.

Терновских помолчал, как бы смущаясь, а затем, понизив голос, сообщил:

– Узнал я нехорошую вещь. Похоже на то, что решетниковские мою Аиду на наркоту посадить пытались.

Он сжал кулак и добавил:

– Вот ведь суки, а? Из-за какого-то подряда на такое зло готовы пойти...

– По нашей информации, розницей они не занимаются.

– А это я узнаю. Очень скоро узнаю, – недобро прищурился Терновских, тяжело встал и вышел из кабинета, не закрыв за собой дверь.

– А где пообедаем? – спросила Лена.

– Да без разницы, – равнодушно ответил Роман. Достал из бардачка бутылку. Виски почти кончился, на дне плескалось всего на пару глотков. Он выпил сначала один, потом подумал и закончил бутылку.

– На Морском рынке кафе неплохое есть, – предложила Лена.

– Пойдет, – согласился Роман.

– Я за Ингой заеду? Она просила ее на рынок свозить. У нее с машиной что-то.

Шестиэтажный современный дом не успел еще постареть, приобрести патину обжитости и привычности – он смотрелся среди окружающего пейзажа, как инородное тело. Как дорогая игрушка, воткнутая ребенком в старую песочницу у покрытых ржавчиной гаражей.

– А вон дорожка к мореходке, – указала Лена на заросший неопрятными деревьями сквер.

Инга уже ждала их у подъезда. Роману подумалось, что Инга – полная противоположность своей сестры. По крайней мере, визуально. Черные волосы, темные глаза. Повыше и покрепче. Инга села в машину, поздоровалась. Потом сказала:

– В четверг у Виталия сорок дней будет. Приходите.

Роман уклончиво кивнул, спросил:

– Как Даша? – спросил Роман, повернувшись к ингиному сиденью.

– В целом нормально, – вздохнула Инга. – Но грустит, конечно, как без этого. Фигура отца имеет для девочек важное психологическое значение. А это ведь вы сейчас убийство дочери мэра расследуете?

– Мы расследуем, – подтвердил Роман.

– Ужасный случай. Как думаешь, это маньяк? – округлила эффектные темные глаза Инга.

– Пока говорить рано, – пожал плечами Роман.

– Жизнь в нашем городе способствует развитию депрессий и других психопатологий, – рассудительно заметила Инга.

– Ты прям медицинским языком выражаешься, – усмехнулся Роман.

– Ну а почему бы нет? Я, между прочим, медицинское училище закончила. – с некоторым апломбом заявила она. –

И психологией увлекаюсь. Вам, следователям, кстати, весьма полезно изучать психологию.

– А мне не очень нравится, – поморщился Роман. – Оторвано от жизни пишут эти психологи. Много умных слов – а за ними простая обыденная правда. И это в лучшем случае. А в худшем – какой-нибудь бред, как у Фрейда.

– Мы вчера в дельфинарии были, – сказала Лена.

Роман незаметно пихнул Лену локтем в бок.

– Да? И что там? Дельфины-убийцы? – иронично спросила Инга.

– Просто по пути заехали. У Ромы там знакомый работает, – ответила Лена.

Они подъехали ко входу в рынок, долго искали место для парковки. Наконец втиснулись между мрачным Гелендвагеном и раздолбанным Хендаем.

– Мы в кафе будем, – сказала Лена Инге, та кивнула и целеустремленно, высоко подняв голову направилась рядом с моллюсками.

Они взяли суп из трубача и корейских пельменей с креветками.

Роман недовольно сказал Лене:

– Сколько тебе можно говорить – не болтай о моих делах!

– Ну прости, я не подумала...

Она помолчала, смущенно тыкая ложкой в кусочки моллюсков, плававших в супе. Потом, сочтя, что положенное для виноватого вида время уже миновало, сказала:

– Сегодня бывший детей к себе забирает, на несколько дней. Вечером ко мне приходи?

– Посмотрим.

Вечером он пришел домой – принять душ и переодеться. Жена сидела на кухне с какой-то своей знакомый, которую Роман до этого пару раз видел. Ира разложила по столу карты Таро и с важным видом объясняла что-то подруге. Та, покусывая нижнюю губу, задумчиво кивала.

– Сегодня ночное дежурство, – сказал Роман, Ира посмотрела на него с ироничной усмешкой, а он прошел в ванную. Принял по-быстрому душ, оделся в чистое, зашел на кухню выпить глоток кофе. Услышал обрывок разговора:

– И вот Наташка узнает, что сын у нее, Лешка на какую-то дрянь подсел, – говорила знакомая. – Фентанил вроде. Это как героин, только говорят еще сильнее.

– А где они этот фентанил берут, не слышали? – поинтересовался Роман, размешивая в чашке кофейный порошок.

– Как где? В Нахаловке, возле старого порта, – махнула рукой в направлении окна знакомая. – Вот куда вы смотрите, вместо того, чтобы преступников ловить – блогеров всяких

арестовываете.

– Каких еще блогеров? – удивился Роман.

– Это я так, образно, – примирительно сказала женщина.

– А ну-ка, вытащи карту. Любую. – предложила Ира Роману.

– Зачем? – без энтузиазма спросил он.

– Вытащи-вытащи, – настаивала Ира.

Роман нехотя согласился – и вытянул карту. Перевернул ее. На картинке красовался беззаботный придурок, занесший ногу над пропастью.

– Карта Дурак. Или Шут, если угодно. Символизирует незрелость, беззаботность, возможно – глупость в поведении, словах и поступках. Инфантильное поведение человека или людей с ним связанных.

– Ерунда все это, – отмахнулся Роман. – А люди, со мной связанные – это же ты получаешься.

– Ну-ну.

Роман прошел в кабинет, набрал Цоя.

– Ты говорил, они только оптом занимаются.

– Ну, – подтвердил Цой.

– А тут вот говорят, что не только оптом. Школьникам продают.

– Говорят, что местным не продают, – гнул свое Цой.

– Говорят, говорят... Ладно, до завтра.

Он вызвал Сашку, дождался, когда его машина приехала и, не прощаясь, вышел в шелестящую мелким дождем тем-

ноту.

– Здесь жди, – сказал он Сашке, тот кивнул и включил музыку – какой-то суровый русский рэп.

Покосившийся рекламный щит сообщал, что где-то дальше по переулку усталого путешественника ожидает уютный, комфортабельный хостел. Окружавшая местность никакого, даже малейшего уюта не обещала. Скопище неказистых частных домов и перепрофилированных под убогое жилье заброшенных зданий Старого Порта. Редкие фонари тускло мерцали, подсвечивали косые струи дождя. Роману вспомнились жутковато выглядящие рыбы-удильщики, которые в глубоководной тьме выставляют свои огоньки, приманивая доверчивую рыбную родню.

Он некоторое время шел в рекомендованном банером направлении, затем свернул в направлении магазинчика с кислотной неоновой вывеской, не обещавшей ничего, кроме низких цен. Сквозь зарешеченные окошки магазинчика видны были убогие полки с коробками лапши быстрого приготовления. Роман вошел внутрь. Молодая продавщица-азиатка улыбнулась ему, и он обратился к ней:

– Мне бы взять этого. Понимаете? Ломает всего...

– Пиво брать будете? – с сильным акцентом спросила девушка.

– Не, пиво не надо. Я от Бомбилы. Мне это... – он сделал жест, будто колет себе в вену.

Она задумалась ненадолго, затем кивнула и вышла в подсобку. Не было ее довольно долго и Роман успел изучить весь небогатый ассортимент. Кроме нескольких видов лапши – соевый соус, недорогие рыбные консервы, да несколько видов пива.

Она вернулась не одна, а в сопровождении азиата-мужчины лет сорока – сорока пяти. Из подсобки послышался приглушенный спор, говорили спорщик по-корейски. Нелегалы из Северной Кореи, работают на какой-нибудь стройке под видом киргизов, подумал Роман.

Мужчина жестом пригласил Романа следовать за ним. Они вышли из магазинчика и долго шли вдоль высоких покосившихся заборов, огибая блестящие ртутным светом вечные лужи и скоро подошли к одному из заброшенных портовых строений. Видимо, в советское время здесь располагалась контора.

– Здесь ждать, – с трудом выговаривая русские слова сказал мужчина и скрылся в темноте. Далекий фонарь давал совсем немного света. Роман закурил, посветив зажигалкой прочитал неряшливую надпись на стене бывшей конторы: НАХАЛОВКА ФОРЕВЕР. В следующую секунду он получил откуда-то из темноты такой удар, что чуть не упал. Он успел нанести ответный удар, костяшки больно хряснули по чьему-то лицу. Но следующий удар он пропустил и упал. Его

начали методично, со знанием дела пинать – и он почти сразу отключился.

ГЛАВА 5. «Продолжение банкета»

Отключился он совсем ненадолго. Он услышал, как чей-то голос сказал резко:

– Хватит! Это не кашалотовский, это мент походу.

Нападавшие скрылись, а Роман поднялся, сплевывая кровь из разбитой губы. Побрел к ожидавшей его машине, на ходу пытаясь отряхнуть с одежды прилипшую к ней грязь.

Сашка посмотрел на него с интересом:

– Кто это тебе так вломил?

Роман ничего не ответил, только поморщился от боли в сломанном ребре.

– А теперь куда?

– В седьмой микрорайон давай, – сказал Роман. – Есть платок какой-нибудь?

Сашка протянул ему пачку бумажных салфеток.

Лена открыла дверь – нарядная, в красивом платье с блестками, ярко накрашенная

– Что это с тобой? – удивилась она, осматривая заляпанную грязью одежду Романа. Под его глазом начинал расплываться синяк, нижняя губа распухла.

– Да вроде ничего страшного.

– Иди-ка ты в душ.

В гостиной был уже готов романтический стол. Лена принесла из холодильника бутылку шампанского и запотевшую бутылку водки. Выключила свет, зажгла свечи, включила диск с романтической музыкой – медленный сентиментальный джаз. Затем достала из шкафа футболку.

– Башка болит.

– Вот, надень. Она безразмерная, на тебя налезет.

Лена протянула ему футболку и спросила:

– Кто это тебя?

– Да так. Ошибка вышла, – ответил Роман, натягивая футболку с рекламой какой-то вьетнамского напитка. – А что за музыка? У Билли Холидей вроде такая песня в репертуаре была...

– Что за музыка? Даже и не знаю. Клиент в машине диск оставил, давно еще. А ошибки ... Ошибки могут дорого стоить.

– Могут, – согласился Роман. – У шефа вот монетка есть, ее с ошибкой отчеканили – и из-за этого монетка теперь штуку баксов стоит. Хотя... Ничего она не стоит – подделка оказалась.

– Не буду у тебя ничего про расследование спрашивать – а то опять меня ругать будешь, что не в свое дело лезу, – сказала Лена, усаживаясь за стол и наливая Роману водки. Он аккуратно, почти без звука открыл шампанское, налил в

ленин бокал.

– Вот. Правильное решение, – согласился он. – Не спрашивай. Хотя... Это ты все равно завтра из интернета узнаешь. Николай Арнольдович умер. Несчастный случай, говорят. Поскользнулся, упал, головой стукнулся – и в бассейн с дельфинами. Там и утонул.

– Ужас какой! – всплеснула руками Лена. – Это когда было?

Саксофон медленно и задумчиво начал подбираться к соло. Барабаны шелестели где-то на заднем плане, подобно вздохам сожалеющих о чем-то призраков. Рояль механически, с постепенно нарастающей громкостью, обыгрывал последовательность ми-минор – септакорд от си, и высокая нота си непрерывно трепетала где-то в отдалении, как колеблющийся язычок пламени.

– Вечером или ночью, – ответил Роман. – Он часто задерживается, говорят. И вчера все ушли, он остался, да в ночной смене один рабочий и охранник, дед старый. Никто ничего не видел. Камер у них там нет...

– Жалко Николая Арнольдовича. По виду – хороший человек.

Роман встал, подошел к стене, на которой в рамке висело фото улыбающегося мальчика, державшего на леске здоровенную рыбину.

– Где он такую изловил? – спросил Роман, указывая на фото. В стекле отражались уютные огоньки свеч.

– Это они с отцом его на Золотое Взморье в позапрошлом году ездили, – ответила Лена. – А ты рыбу ловить любишь?

– С детства не ловил. Последний раз – мне лет десять было – в сторону Горячего Ключа с отцом ходили. Там в горах в речушках маленькая такая форель живет. Речка неглубокая, прозрачная. И форели в ней полно в ямках. Подведешь к ней крючок с червячком – и ждешь, когда рыба его заглотит. Если она отворачивается – ты ей снова крючок к носу. В конце концов рано или поздно – клюнет...

– Общаетесь с отцом? – спросила Лена, наливая себе шампанского, ему – водки.

– Не, – отрицательно покачал головою Роман. – Он как ушел – так и не виделись больше. Один раз написал откуда-то из Якутии. А потом и совсем исчез.

– А он жив вообще?

– Без понятия. Помер, скорее всего. Он бухал сильно. Не так как я, а с запоями, по-черному.

В джазовый полумрак вторглась разухабистая русская попса: звонил ленин телефон.

Лена взяла трубку и с лица ее быстро начало сползать мечтательно-романтическое выражение.

– Нет, она не у меня. Нет. Да ты что? – встревоженно говорила она невидимому собеседнику на другом конце линии. – Давай мы к тебе подьдем. Да, Рома у меня сейчас.

– Это кто? Случилось что-то? – спросил державший в руке рюмку Роман.

– Это Инга. Ты прикинь... Даша с училища не пришла сегодня. И до сих пор дома нет. Телефон не отвечает. Песец...

– С училища? Она что, тоже в мореходке? – немного удивился Роман.

– Ну да. Ты не знал?

– Нет... Ты не говорила.

– Может ей в полицию сразу позвонить, что девчонка пропала? – спросила она.

– Да без толку, – мрачно ответил он. – Срок совсем ни о чем, они реагировать и не будут даже. Им желательно трое суток, чтобы человека пропавшим признать.

– К ней приедем, объяснишь – как лучше действовать.

– Конечно, – согласился он. – Но скорее всего, у друзей задержалась где-нибудь. Не будет же убийца прицельно уничтожать девушек из мореходного училища. Уж очень это маловероятно.

Встревоженная Инга недоуменно посмотрела на его лицо, где синяк, уже вполне оформившись, начал наливаться разными оттенками сиреневого и желтого.

Они с Леной прошли в большую, со вкусом обставленную гостиницу. Скандинавский стиль, ничего лишнего.

– Утром пойдешь, заявление напишешь, – сказал Роман Инге. – Так-то они не любят принимать заявления о пропа-

же человека раньше определенного срока. Но тут я им объяснил обстоятельства, они вроде прониклись. Примут у тебя заявление, ее фото по ОВД раскидают. Есть фото крупное? Я им по ватсапу скинул бы пока, а завтра подберешь, какое лучше.

Инга взяла со шкафчика фото в рамке, протянула Роману.
– Вот, прошлогоднее есть.

Роман внимательно посмотрел на улыбающееся фото симпатичной девушки в полосатой вязаной шапочке. Девушка улыбалась, но глаза ее показались Роману грустными. Он вытащил фото из рамки, положил на стол, снял на телефон. Отправил фото в дежурку и сказал Инге:

– Ты запиши мой телефон и завтра звони – как там да что. У Лены номер есть. А пока вызовите мне такси какое-нибудь.

– А ты куда? – удивленно спросила Лена.

– Домой, – лаконично ответил Роман.

Инга вызвала такси, он попрощался и вышел на улицу. В свете фонаря метались мелкие капельки дождя, от налетавших порывов ветра глухо ворочались в темноте влажные кусты и деревья. Мимо, грохоча музыкой, пролетела полная молодежи машина. А затем подъехал его водитель.

У своего подъезда Роман постоял немного, глядя вверх..
Окно кухни в его квартире ярко светилось – единственные

освещенное окно во всей погруженной в глубокий сон пятиэтажке. Он быстро поднялся по ступеням, открыл своим ключом дверь.

– Что, ночное дежурство закончилось уже? – донесся из кухни голос Иры.

Не отвечая, он прошел на кухню. По всему столу были разложены в какой-то сложной системе карты Таро. За столом сидела и Ира и незнакомый роману мужчина. Мужчина встал и, приветливо улыбаясь, протянул Роману руку:

– Аркадий.

Чуть помедлив, Роман ответил на рукопожатие:

– Роман.

– Ирина мне тут одну сложную ситуацию на Таро раскладывала, – вежливо пояснил мужчина. – Как раз вот закончили недавно...

Он попрощался и вышел. Ирина закрыла дверь, насмешливо посмотрела на уже набравший полную силу синяк Романа и сказала:

– Пойдем спать, ковбой.

ГЛАВА 6. «Награда для героя»

Утром Роман отыскал завалившиеся с какого-то давнего отпуска темные очки. Он нацепил их на нос, с неудовольствием оглядел в зеркале получившийся результат, вызвал Сашку и отправился на работу.

– Вас дожидается, – негромко сказал ему дежурный, указывая на стоявшего в предбаннике серьезного невысокого человека. Человек посмотрел на него, как бы стараясь узнать. Под глазом у него расплывался синяк – не такой большой как у Романа, но тоже вполне внушительный.

– Это вы ко мне?

Человек кивнул и Роман жестом пригласил его следовать за ним.

– Присаживайтесь. Чем обязан?

– Бомбихин я, – ответил человек, потирая скулу и улыбнулся. Глаза, впрочем, остались такими же холодными и настороженными, как были. Голос Бомбихина показался Роману смутно знакомым.

– Бомбила, что ли? – Роман вспомнил, что мельком уже видел Бомбихина, который лет пять назад проходил свидетелем по какому-то пустяковому делу. Кто-то побил в «Одноклассниках» одного из немногочисленных местных хипстеров, а Бомбихин свидетельствовал, что хипстер «сам начал, он Витьку сказал – не обижайся, типа, я не хотел, то есть

он Витька обиженным назвал, а это тоже что и опущенный, за такое вообще замочить могли бы, а Витек просто вежливо взял чепушилу за руку, а тот поскользнулся, там же официант коктейль молочный разлил, официант подтвердит, ну вот хипстер об стойку бара и ударился челюстью по касательной». Хипстер в итоге подтвердил, что все так и было – на том дело тогда и кончилось.

– Не люблю, когда меня так называют, – серьезно ответил Бомбила, усаживаясь в предложенный Романом стул. – Если уж по прозвищу звать хотите – зовите меня Унабомбер.

– Ишь ты, «Унабомбер» какой нашелся! – хмыкнул Роман. Он включил чайник, закрыл дверь на ключ.

– Бить будете? – усмехнулся Бомбихин.

– Нет, я курить буду, – ответил Роман, морщась от боли в сломанном ребре дернул распухшую оконную раму и закурил, глядя вниз, где у здания напротив парковку постепенно заполняли Лексусы горсоветовских депутатов. – Что хотел-то, Унабомбер?

– Я неофициально. Заявление хочу сделать.

– Ну так делай, – сказал Роман и бросил окурок вниз, целясь в урну – и как всегда не попал.

– Насчет кашалотовской дочки. Мы тут не при чем. Самим интересно, кто такой борзый, порядок на нашем корабле нарушает. По наркоте – нашли мы одного чмыря, в Нахаловке торговал понемногу. Поговорили с ним, больше не будет.

– Сдадите мне чмыря? – с интересом спросил Роман.

– Не, не получится. Уехал чмырь.

– Далеко уехал? – Роман снял темные очки, сунул их в карман куртки.

– Очень далеко, – улыбаясь кивнул Бомбила. – В море уплыл. Че так холодно-то у вас?

Он поежился, встал:

– Мы по своим каналам сейчас тоже пробиваем, что к чему. А то куда годится – девушек убивать почему зря... В городе порядок должен быть, правильно?

– А вы за порядком в городе следите? – иронично поинтересовался Роман.

– Мы на своем месте, ты – на своем, а вместе делаем одно дело, – добродушно процитировал Бомбихин и своими не улыбочивыми волчьими глазами посмотрел на Романа. – До новых встреч в эфире.

Он карикатурно отсалютовал, пародируя нацистское приветствие, и вышел в открытую Романом дверь.

Геннадий Степанович вертел в руках причудливую курительную трубку: маленькая серебряная чашечка, тонкий длинный мундштук из эбонита.

– Вы же вроде монетами да наградами занимаетесь? – спросил Роман.

– А это и есть награда. Вот, почитай что на чашечке вы-

бито.

Геннадий Степанович протянул ему трубку и увеличительное стекло.

– ГЕРОЮ ЧИМИТ-ДОРЖУ ОТ ТОВА. СТАЛИНА, – вслух прочитал Роман.

– Таких трубок всего десять выпустили. Сразу после войны, для награждения снайперов из числа КМНС.

– КМНС?

– Коренные малочисленные народы Севера, – пояснил Геннадий Степанович. – Якутов, например, такими трубками не награждали – они малочисленными не считаются. А вот эвенков, нганасан, тофаларов каких-нибудь – пожалуйста.

– Похоже, ей и не пользовались вовсе, – заметил Роман, разглядывая абсолютно чистую чашечку.

– Правильно, не пользовались, – кивнул головой Геннадий Степанович. – Осенью сорок пятого, уже после японской кампании, трубку выслали в родной поселок героя – для награждения. Народ собрался со всех окрестностей. И вот, по официальной версии, шел наш герой к площади – в состоянии алкогольного опьянения – и начал переходить улицу на красный свет. А тут грузовик: не успел затормозить. Так герой и не получил свою трубку, досталась она местному музею. А в девяностые директор музея эту трубку списал, как не представляющую ценности и продал какому-то коллекционеру. Вот и пошла она гулять по миру. Долго, говорят, ее

нельзя у себя держать. В ней, мол, спит дух погибшего героя. Когда трубка попадает к новому хозяину – герой просыпаться начинает, а с хозяином несчастья всякие происходят. Обижается герой, что кто-то хочет его наградой воспользоваться...

– А вы не боитесь ее у себя держать? – спросил Роман, возвращая изящную вещицу Геннадию Степановичу.

– А я и не собираюсь ее у себя держать. Сегодня из края товарищ приедет, моих Владимиров Ильичей заберет по хорошей цене – а заодно и трубку эту получит. Как бонус.

– Это не тот ли товарищ, что вам монетку фальшивую впарил?

– Так, ну-ка давай к делу вернемся, – строго сказал Геннадий Степанович, завернул трубку в покрытую причудливыми письменами тряпицу и спрятал ее в стол. – Хочу тебя от ненужных хлопот избавить.

Геннадий Степанович взял со стола бумагу, пробежал по ней взглядом.

– Вчера вечером заявление в полицию поступило, от матери некоего Фимусова. Приехали, дескать, бандиты какие-то – и ее сына увезли в неизвестном направлении. Фимусов – наркоман, пятерку уже отмотал, да скоро еще присел бы. Он в разработке у коллег наших был, фентанилом сучонок приторговывал. Так вот, Фимусов с неустановленного номера позвонил утром в дежурную часть и сказал, что все у него в порядке, что уехал он на Сахалин на буровую вышку где-то

в окрестностях Охи. Встал на путь исправления и там теперь трудится. Ребята коллегам в Оху звякнули, те – на производство. Там факт трудоустройства Фимусова подтверждают.

– Это как же он до Охи так быстро добрался? Там от Южного – почти тыща километров, а прямых рейсов в Оху уж лет тридцать как нет...

– А мы не знаем, добрался он туда или нет. И нас это не волнует от слова совсем. Дело мы охинским ребятам передали, вот пусть они его и ищут. Так что ты это дело к своему расследованию не приплетай. Вот тебе и экономия усилий – как я и обещал.

Геннадий Степанович помолчал и, постукивая ногтем по неработающей настольной лампе спросил:

– Ты мне лучше скажи: кто, кроме наших, мог знать о том, что дельфинарий по этому делу оказался замазан? Ты в такие совпадения веришь? Поговорил ты с прохвессором – а он тут же – хоп! и к дельфинам родным в бассейн... Кто еще знал, по какому делу ты приходил?

Роман помолчал, как бы собираясь с мыслями:

– Так никто. Разве что сам он рассказал кому...

Роман встал, чтобы уходить и, почти дойдя уже до двери спросил:

– Вы сказали – по официальной версии. А есть еще неофициальная?

– Ты о чем это? – удивился Геннадий Степанович.

– Про героя, которого грузовик сбил.

– А, вон ты про что. А по неофициальной – первый секретарь райкома партии на героя обиделся сильно. Как это – награда от самого товарища Сталина этому неграмотному охотнику? Приревновал, так сказать. А за рулем грузовика брат секретаря был. Или сват. И светофора никакого в том поселке отродясь не было, до ближайшего светофора верст пятьсот, а то и поболее. Там и грузовиков-то всего парочка была на весь райцентр.

Славуцкая оказалась приятной короткостриженной де-вушко-бабушкой.

– Ордер есть? – спросила она.

– Нет, я не официально.

– Тогда в дом не приглашаю.

– Что ж мы, в подъезде беседовать будем? Пойдем-те ко мне в машину тогда.

– Дождь перестал? – спросила Славуцкая.

– Вроде перестал.

– Тогда у подъезда подождите – прогуляемся и побеседуем.

Через пару минут она вышла с вертлявой немецкой овчаркой на поводке и они двинулись в сторону пустыря, который местные собачники давно уже облюбовали для прогулок.

– Вот как вам, ментам верить... Говорил, нет дождя. А это

что? – Славуцкая помахала рукой вокруг.

– Это разве дождь... Я хотел поговорить насчет вашей публикации. Есть все основания для ареста, публикация с угрозами совпадает по времени с убийством, но я сначала хотел бы прояснить... – начал было Роман, но Славуцкая перебила его:

– Нет у вас никаких оснований, а то задержали бы. Никаких угроз никакая экспертиза там не найдет. Да, слишком резко я написала, не надо было так. И девку эту непутевую жалко. А написала я так, потому что... Ну война у нас с Терновских давняя. Еще с тех пор, когда он простым Кашалотом был. Но про Аиду – это же правда. Да я еще не все там и написала-то.

– Не все?

– То, что она наркоманка – это весь город знает. Все знают, кроме отца ее. Да и он знал, просто сам от себя правду скрывал. А про секту вы в курсе?

– Какую секту?

Славуцкая спустила свою овчарку с поводка, и та радостно бросилась к зарослям покрытых багрово-красными листьями кустов.

– Несколько лет назад было такое дело – девушка пропала. Фигурировал некий Христенко, только вот доказать ничего не смогли, – сказала Славуцкая.

– Было, – кивнул Роман. – И?

– Вы сейчас скажете, что все это конспирология.

– Да говорите уже.

– Христенко раньше в Крае жил. И друзья у него были весьма влиятельные, из краевого начальства. Он у них ценился как медиум. Обряды разные проводил. Некоторые его сатанистом считают. Что по мне – так без разницы, поп или сатанист – один черт, дураят народ да деньги выкачивают. Накосячил этот Христенко в крае, сильно накосячил. Вот и съехал сюда, тут у него бабушка живет. Старая совсем, лет девяносто. Он и здесь накосячил, а его опять прикрыли сверху. Эти, краевые.

– Пропавшая девушка вроде письмо написала: я, мол, в Сеуле работаю, все у меня хорошо, – сказал Роман, который сегодня уже успел заглянуть в то старое дело.

– Границу-то она не пересекала.

– Откуда знаете?

– Есть свои источники среди погранцов.

Роман вспомнил почему-то, как Геннадий Степанович рассказывает ему об экстренном отъезде наркоши Фимусова на Сахалин.

– А дальше что? – спросил он.

– А дальше этот Саурон немного притих – но свои дела продолжил. Часто в край выезжает, а здесь себе небольшую секточку собрал, чисто для души. Там девки с мореходки, да с торгового техникума.

– И что же они там делают?

– Да херню всякую. Ритуалы. То кошку замучают, то со-

бачью кровь пьют с китайской солью. То шамана из Сибири пригласят – а он их плеткой сечет. Сатане молятся, опять же – как без этого?. И вот что я тебе скажу: за пять лет минимум еще две девки пропало, из тех что в секточке этой.

– Как это? – удивился Роман. – Никаких заявлений ведь не было. Я бы знал. Да весь город на ушах стоял бы!

– Не было, – согласилась Славуцкая. – Потому что заявления подавать некому было. Одна деваха интернатская, та что с торгового. А одна из мореходки – у нее только тетка в живых. Вот тетка-то и забеспокоилась, когда девчонка исчезла – и только сообщения в ватсапе шлет пару раз за месяц. Вроде шлет – значит все нормально. Да только не все нормально, не все. Ладно, так и быть... Пойдем-ка ко мне, я тебе покажу кое-что по этим пропажам.

Они двинулись обратно по раскисшей от грязи тропинке. Славуцкая, увлекаемая собакой – впереди, а Роман немного отстал. Он достал телефон, набрал номер.

– Геннадий Степанович, а откуда вы неофициальную версию узнали? Про героя этого, с наградой от товарища Сталина?

– А я ее ниоткуда и не узнавал, – усмехнулся в трубку Геннадий Степанович. – Я её реконструировал по косвенным признакам. Дедуктивный метод – от общего к частному.

ГЛАВА 7. «Саурон»

– Вот, смотрите, – Славущкая указала на экран ноутбука.

– Что это? – спросил Роман, вглядываясь в текст и читая вслух. – «У меня все нормально, на работе хорошо приняли. Погода в Москве не очень, кругом грязная каша из снега с солью...»

– Это ватсап-сообщения пропавшей девушки, – пояснила Славущкая. – Той, у которой тетка. Там читать особо нечего. Разве что первое: «Анна Прокофьевна, извините, что уезжаю не попрощавшись. Решила начать новую жизнь. Нашла в Москве хорошую работу в крупной логистической компании, потом напишу подробнее». Тетка говорит, у них с племянницей конфликт был. Но обычный, уровня «отцы и дети», ничего экстраординарного. Поэтому сначала тетка хоть и забеспокоилась, но даже и отвечать на сообщение не стала, от обиды. Потом несколько раз звонила – а племянница трубку не берет. Иногда отвечала письменно – «я на работе, говорить не могу». Тут если по времени таких ответов посмотреть – странная в логистической компании работа, ночная в основном. У нас по времени разница восемь часов.

– Ага... – протянул Роман.

– Потом тетка звонить и писать перестала. И вот аккуратно два раза в месяц приходили от девушки однотипные сообщения: все у меня в порядке, работа хорошая. Последние

два месяца и вовсе ничего не было.

– Бывает, что и родные дети с родителями не общаются, – заметил Роман. – А родители с детьми.

– Бывает, – согласилась Славуцкая. – Но теперь давай-ка посмотрим ее аккаунты в соцсетях. У нее инстаграмм и фейсбук. До даты так называемого отъезда в Москву – почти каждый день девчонка постит, и не котиков в основном, а себя любимую. Потом через два дня после исчезновения – фотка на Красной площади с подписью: «Ура! Я здесь! Дорогие подписчики, в ближайшее время буду **ОЧЕНЬ** занята, поэтому – если не отвечаю, то не обижайтесь! А потом пару раз в месяц – котики.

– Ну так может человек делом занимается, некогда себя постить, – сказал Роман.

– Может, – кивнула Славуцкая. – Только зачем этот человек, приехав в Москву, постит свою фотку, сделанную в Москве за год до этого? И которую человек уже размещал раньше?

Славуцкая открыла скриншот.

– В самом деле, фотография одна и та же. А дата разная, – задумчиво сказал Роман.

– Вот я посмотрела на все это, пошла в мореходку да и поговорила там с девушками. И разговоры эти мне как-то не очень понравились. Несколько однокурсниц говорят что-то вроде – мы с ней почти не общались, на ее исчезновение внимания не обратили – ну ушла и ушла, текучка там доволь-

но большая. Вы, говорят, пообщайтесь с ее подругами. А подруги, это три девчонки – молчат, как рыба об лед. Ничего не знаем, уехала в Москву – ну и уехала. Но они это как-то не так говорят, как первая группа девушек.

У Романа зазвонил телефон. Он извинился и вышел на кухню.

– По дельфинарию экспертизы готовы, ты же просил тебя в курсе держать, – сказал голос Пашки.

– И что там?

– Пока по всем признакам – несчастный случай. Там реально песок как скользко, возле вольеров. Периодически кто-нибудь падает, то растяжение то перелом... Похоже, что старик и впрямь просто поскользнулся и упал. Иногда банан это просто банан. Даже если он не сам поскользнулся, а ему помог кто-то – никаких свидетелей, а из показаний деда-охранника да дежурного рабочего ни хрена не вытаскивается. Будем дело к закрытию вести, куда деваться.

Роман представил, как тело Николая Арнольдовича плавает в вольере лицом вниз, а рядом подрагивает полуспушенный мячик. И белуха тыкается своим носом то в этот мячик, то в медленно дрейфующее в воде тело...

Он вернулся в комнату. Славуцкая отодвинула ноутбук и сказала:

– После этого я раскопала случай второй девушки, из торгового. Которая интернатская. Она, якобы, уехала в Хабаровск. У нее в инстаграмме фотка на берегу Амура с подпи-

сюю «А вот там, за рекой – уже Китай». И фотка тоже взята из ее же аккаунта, опубликована там примерно за год до этого. Потом в течение месяца несколько котиков – и на этом все.

Роман помолчал. Потом спросил:

– А почему этого Христенко Сауроном прозвали? Это же вроде злодей из сказки, несерьезно как-то...

– Так он ведь выходец из краевой тусовки толкинистов. Для них это как раз очень таки серьезно.

– В универе были у нас толкинисты, – вспомнил Роман. – В общаге одно время соседом хоббит был. Маленький такой паренек, серьезный и рассудительный. В обычной жизни ничем от обычного человека не отличался. Но они там вроде языки сказочные изучали, даже говорили на них.

– Саурон в совершенстве владеет разговорным эльфийским, обоими диалектами, – заметила Славуцкая.

Роман усмехнулся:

– Ну и бредятина...

– Бредятина, – согласилась Славуцкая. – Но некоторые верят в реальность придуманных миров.

Он уже стоял в дверях, когда блогерша спросила его:

– Личный вопрос можно?

Роман кивнул, взявшись за дверную ручку.

– Полгода назад вы на перекрестке человека сбили.

– Да, выбежал какой-то забухатор на красный свет, – помедлив ответил Роман. – Я затормозить не успел, скользко было. Машина в хлам...

– Погибший – Демушкин – он же не пил совсем. Кукуха у него не на месте была, божий человек, так сказать. Но к спиртному он и не притрагивался никогда.

Роман повернул скользкую дверную ручку и молча вышел.

Саурон показался Роману существом довольно жалким: худой, бледный как моль невысокий человечек с длинными редкими волосами.

– Даниил Андреевич, я бы хотел побеседовать с вами по одному очень деликатному вопросу, – сказал Роман, продемонстрировав Саурону свое удостоверение. Лестничная площадка старой двухэтажки была темной – окно забито фанерой, а дешевая светодиодная лампочка света давала совсем немного, и был он призрачно-синеватым, ненастоящим. Из приоткрытой саурановой двери доносились звуки замогильного тибетского песнопения.

– Так ведь дело закрыто. Или меня опять в чем-то обвинить хотят? – с вызовом спросил Христенко.

– Что вы, что вы, – запротестовал Роман. – Никаких обвинений. Я, если честно, хотел вас о помощи попросить. Как эксперта.

– О помощи? – удивился Саурон.

– Да, и это не по работе. Тут дело личное. Я войду?

Роман похлопал себя по карману куртки, из которого тор-

чало горлышко бутылки.

– Из Японии, настоящий, – подмигнул Роман Саурону. Тот, поколебавшись, кивнул и жестом пригласил Романа войти.

Тибетцы угрюмо гудели в дальней комнате, навевая чувство какого-то одиночества – не космического, а, скорее, одиночества в бесконечных пещерах одного из Нижних миров.

Окно на кухне было завешено какой-то тряпкой. Из мусорного ведра наружу выпирали упаковки от лапши, у ведра выстроилось несколько пустых бутылок от дешевого вина «Свадьба монаха». Непохоже было, что бы эзотерический бизнес Саурана процветал.

Они расположились за столом, где на расстеленной рекламной газете была рассыпана горстка табака.

– Химка? – спросил Роман.

– Для личного потребления, – довольно нагло ответил Саурон.

– Будем считать, что это просто табак, – предложил Роман, поставил на стол бутылку вискаря. Саурон засуетился у раковины, отмывая разнокалиберные кружки.

– Что это за музыка у вас играет? – поинтересовался Роман.

– Бонские песнопения. Пробуждают в анахате муладхарную составляющую, – пояснил Саурон.

– А по-русски?

– Анахата – это сердечная чакра. Она отвечает за место человека в мире, за любовь. Но любовь, прежде всего, должна быть направлена на самого себя – иначе любви для других неоткуда будет черпать свою энергию. Муладхара – это чакра выживания.

– Интересно, – сказал Роман, разливая виски по кружкам. Ему досталась кружка с кем-то из покемонов. – Так вот, касательно моего дела. Есть, как я понимаю, настоящие духовидцы, вроде вас. А есть шарлотаны, которые из людей деньги вытягивают, правильно?

– Правильно, – согласился Саурон, выпил залпом налитые ему сто грамм. – А почему вы решили, что я – настоящий?

– По отзывам. И вообще – у вас клиентура богатая. Жены министров, олигархи краевые. По вашему жилищу не скажешь, чтобы вы их как-то сильно обирали.

– Я не для денег. Материальный мир не слишком меня интересует, – ответил Саурон улыбаясь.

– А что вас интересует?

– Без подготовки вам и не понять этого.

– А я попробую.

– Это служение, – ответил Саурон.

– Вот я, например, закону служу. Обществу, – сказал Роман. – А вы кому служите? Сатане?

– Сатана – просто этикетка, которую невежественные люди наклеивают туда, где им что-то непонятно, а от непонимания – страшно, – серьезно ответил Саурон. – Нет никакого

Сатаны, есть определенная эманация мировой души, такая же как вы или я, только на много порядков более могущественная. Некоторых людей избирают для служения. Иногда человек и сам не знает, что он участвует в служении. Вот вы, например – кому вы НА САМОМ ДЕЛЕ служите?

– Ишь, как вы загнули, – усмехнулся Роман и налил по новой порции.

Опираясь на трость, на кухню вплыла очень древняя старушка. Не обращая внимания на присутствующих, налила себе кружку воды из под крана, медленно выпила и, не произнеся ни слова, удалилась.

– Так вы свой вопрос задавайте. О чем у меня спросить хотели-то? – спросил Саурон.

– Есть у меня один товарищ в Крае, так вот он... – начал было Роман, но Саурон остановил его:

– Да знаю я, чем вы на самом деле интересуетесь. У мэра дочь погибла, а меня вы подозреваете что я ее в жертву Сатане принес.

Роман немного смутился, потом спросил:

– А вы не приносили?

– Я криминалом не занимаюсь. Мой путь – это духовная практика. Раньше люди таким от неведения занимались и от лени. Думали – вместо работы над собой можно девственницу прирезать – и получить силу.

– А что, нельзя?

– Если человек не готов – то и жертва напрасной будет.

Да и вообще – там ритуал сложный. И после ритуала никто тела по пляжам разбрасывать не будет.

– И какой там ритуал?

Саурон встал.

– Откуда же мне знать в подробностях? Я ведь говорю вам – такими вещами не интересуюсь. За виски благодарю. Может, вам на картах Таро погадать?

– Спасибо, но нет, – вежливо отказался Роман. Я вам признателен за беседу. А может порекомендуете – что почитать по этой теме? По жертвоприношениям?

– По этой теме? Некрономикон почитайте, – Христенко как-то гаденько захихикал.

– А в интернете есть?

– В интернете все есть.

– Вы эту книгу, наверное, очень хорошо изучили?

– Я-то? – Саурон отрицательно покачал головой. – Я ее вообще не читал – ни единой строчки.

– Почему же так? – удивился Роман.

– Считается, что тот, кто прочитает хотя бы несколько страниц Некрономикона – сходит с ума. Книгу не для наших слабых умов писали.

– Некрономикон? – Роман достал блокнот.

– Он самый, – ответил Саурон.

Тибетцы кончили свое гудение и из дальней комнаты донесся низкий, вибрирующий на грани инфразвука удар гонга.

– У магазина тормозни, – сказал Роман Лене. Он нацепил темные очки и вышел. Побродил среди уставленных алкоголем полок, взял сначала большую бутылку, затем, подумав, поставил ее обратно и бросил в корзину бутылочку поменьше.

– Поедем сейчас на то место, – сказал он Лене. – Если убийство было ритуальным... вдруг остались какие-то детали, которых мы тогда не заметили?

– Ты же меня отстранил от расследования, – усмехнулась Лена.

– Отстранил, – кивнул Роман. – И ничего тебе рассказывать больше не буду, уж ты извини. Сколько тебе говорил – язык не распускай, а ты все болтаешь и болтаешь когда не надо.

– Все, я сейчас вообще молчу. Меня сестра спрашивает – так я вообще молчу. Как думаешь, а менты хоть искать-то будут? Страшно за Дашу...

– По мере возможностей – будут, конечно, – ответил он. – Ориентировки разосланы, механизм запущен. В девяноста случаях из ста оказывается, что пропавший жив-здоров и находится он довольно быстро – сам домой возвращается. Они с Ингой там точно не ссорились, ничего такого не было?

– Да нет же... Все у них нормально было, в меру возмож-

ного. Все-таки мать-то недавно умерла, четыре года всего прошло. Это на отношения отпечаток наверное накладывает... Но жестких конфликтов никогда не было. Да и Инга не такая дура, чтобы дочь мужа третировать, зачем ей это?

Они выехали на берег.

– А мы тут по ходу не проедем, – сказала Лена. – Смотри, как размыло!

Волны неприветливо шумели. Они отступили уже довольно далеко, обнажив покрытый неопрятной белой пеной песок и темную путаницу водорослей. Начинался отлив. Жирные чайки сварливо покрикивали, отбирая друг у друга снующую рыбу.

– Ты здесь посиди, а я пешком пройдуся.

– Я тоже пойду, мне же интересно, – возразила Лена.

Они взялись за руки и пошли, огибая заполненные прозрачной водой колдобины. После небольшого поворота они прямо перед собой увидели ее, раскинув руки лежащую у обочины.

– Это же Даша! – с ужасом воскликнула Лена.

На лбу у мертвой девушки был вырезан перевернутый крест.

ГЛАВА 8. «Свастика»

– Первый выпуск денежных знаков молодой советской власти, – Геннадий Степанович кивнул на разложенные по столу ветхие купюры. – Посмотри на них внимательно. Ничего необычного не замечаешь?

Роман со своего стула прищурившись посмотрел на купюры.

– Орлы царские?

– Это-то ладно. Большевики деньги с орлами еще долго выпускали, до тридцатого примерно года. Потому что к ним доверие выше было. Ты возьми одну – да рассмотри повнимательнее. Не бойся, они в хорошей сохранности.

Роман аккуратно взял тысячную банкноту и с удивлением увидел хищные свастики, украшавшие купюру по углам.

– Как это? – не понял Роман. – Это же вроде нацистский символ...

– Живете в плену стереотипов, молодой человек, – рассмеялся Геннадий Степанович. – Раз свастика – так сразу и нацисты... Свастика – всего лишь символ солнца у древних ариев. От них свастика попала в Тибет и Монголию.

– В Монголию? Ну а советская власть-то здесь при чем?

– А при том, что купюры эти подготовлены были царским еще Госбанком. Предназначались для ограниченного хождения на территории Монголии. Монголия тогда боролась за

независимость от китайцев, Россия планировала оказать ей поддержку и объявить протекторат. Вот эти купюры и стали первыми деньгами советской власти. Взяли первое, что под руку попало. Выпускались, кстати, до двадцать второго года, небольшими партиями.

– Причудлива наша история, – заметил Роман, положил купюру на стол. Геннадий Степанович бережно уложил купюры в специальный альбомчик и спросил:

– Читал, что тут Славуцкая про тебя пишет? Сегодня утром выложила.

– А что она пишет? – встревожился Роман.

– Про тебя тут немного. «Похмельный следователь приходит без ордера, изображая из себя хэмметовского персонажа», и так далее.

– Вот ведь сука... – выругался Роман.

– А дальше она про твое нынешнее дело. Мол, вместо того чтобы отрабатывать очевидную версию ритуальных убийств, следствие занимается ерундой. Видимо потому, что подозревавшийся в похищении девушек сатанист Христенко имеет высоких покровителей.

– Я с ней по-хорошему... Можно было и задержать ее – да и допросить по всей форме, – сказал Роман.

– А вот и надо было задержать – если основания были. А ты с дружескими визитами расхаживаешь. Понравилась тебе Славуцкая?

– Мне она показалась вполне адекватной, симпатичной

теткой.

– Она старая скандальная сука. – сказал Геннадий Степанович. – В этом образе живет, этим образом и зарабатывает. Когда надо – может милой прикинуться. Дураки, вроде тебя, ведутся – и болтают лишнее. А она и рада.

– Кажется, я немного понимаю Терновских. Он ее крепко не любит...

– По второй девушке данные когда будут? – спросил Геннадий Степанович.

– Мы с группой после обеда собираемся.

– Тоже ведь не простого человека дочь. – задумчиво сказал Геннадий Степанович. – Этот, который умер недавно... Богер, кажется. Немецкая какая-то фамилия. У него в Морском рынке доля, да земля под застройку у Золотого взморья.

– Ильичей своих отдали уже покупателю? – спросил Роман, кивая в сторону опустевшего шкафа, еще недавно заполненного бюстиками вождя мирового пролетариата.

– Отдал. Ты мне скажи лучше – как так получилось, что ты на месте преступления оказался?

– Хотел еще раз не торопясь осмотреть – вдруг не заметили чего в прошлый раз.

– И ты этот осмотр в присутствии посторонних собирался производить?

Роман сосредоточенно смотрел на носок кроссовка.

– Христенко задерживать пока не будем. Что на него

есть, кроме подозрений пятилетней давности? Но наблюдение установи . Посмотрим, кто ходит к нему. Как он тебе, кстати?

– Сумасшедший какой-то, – неприязненно сказал Роман.

– Может и сумасшедший, – согласился Геннадий Степанович. – Но сумасшедшие очень хитрыми бывают. Был лет тридцать назад один случай...

Геннадий Степанович прервал сам себя и проворчал:

– Ладно, иди уже.

– И рассказывать-то нечего, – развел руками Артем Сергеич. Медик кинул Роману на стол папку с результатам экспертиз. – Все тоже самое, что и в первом случае. Прижизненный удар по голове, затем, через несколько часов – удушье. Нет следов наркотической зависимости погибшей, следов уколов нет. Крест на лбу вырезан вскоре после остановки сердца, то есть посмертно. Вырезан, судя по всему, ножом.

– А ДНК дельфина? – спросил Роман.

– Вроде бы нет.

Криминалист Дима раскрыл свою папку:

– Метров за тридцать до места – следы забуксовавшей машины. Дальше жертву несли на руках. Думаю, преступник решил, что волочить тело по липкой грязи будет не слишком удобно. Сохранились отпечатки следов на обочине, пример-

но сорок третьего размера. Вторая жертва лежала практически ровно на том же месте, что и первая.

– Получается, для преступника это имело какое-то важное значение – чтобы все было как в первый раз... Не похоже на обычную уголовку, это даже если крест не считать, – заметил Андрюха.

– Получается, что так, – согласился Роман. – Вот только на первом теле креста такого не было.

– Может спугнул кто-то, не успел вырезать, – предположил Цой.

– Может и спугнул. Через какое время после остановки сердца сделаны надрезу? – спросил Роман у Артема Сергеевича.

– Если судить по характеру кровяной коросты – сразу после остановки смерти. Если бы чуть позже – кровь уже начала бы сворачиваться.

– А с наблюдением что делать будем? – спросил Цой.

– Квартира на первом этаже. Напротив дерева есть. На дерево камеру зафигачим. А к оконному стеклу – прослушку, – сказал Роман. – После совещания зайди в техотдел, возьми оборудование. Вечером, как стемнеет – поставишь.

– Ты же уже был на местности? Может, вместе съездим? – спросил Романа Цой.

– Хорошо, – согласился Роман.

Терновских бросил на стол коробку чая.

– Значит, ритуальные убийства? – спросил он, усаживаясь на шаткий стул.

– С чего вы взяли?

– У Славуцкой прочитал.

– Это ее предположения. У нас официальных версий пока нет, – сказал Роман. – Если верить всему, что Славуцкая пишет – так вы, например, монстр получаете. Спрут, главарь мафиозной группировки.

– Какой я вам спрут? – усмехнулся Терновских. – Тогда уж кашалот. А кашалоты, кстати, это злейшие враги спрутов. Они как раз ими и питаются.

– Вы с какой целью пришли-то? Про океанологию поговорить? Чаем угостить бедного следователя? Чай заберите, нам подарки нельзя принимать.

– Ну так выбросите, раз нельзя. А пришел я, чтобы немного помочь вам с расследованием. Я же тоже без дела не сижу. Одну версию отработал. Насчет решетниковских.

– И что решетниковские?

– Не причем они.

– Откуда же у вас такая уверенность ?

– Вы же мне методику и этапы своего расследования не раскрываете? Вот и мне уж позвольте оставить за кадром

мои. Просто сообщаю вам, чтобы вы лишних усилий туда не направляли. Дельфинарием занимаетесь?

– Эта версия тоже в работе, – неохотно кивнул Роман. – По научному руководителю в отдельное дело выделено, но нам информацию они информацию тоже дают.

Терновских выложил на стол распечатку.

– Что это за цифры возле фамилий?

На распечатке бы список фамилий сотрудников дельфинария с указанием должностей. Фамилия Николая Арнольдовича была вычеркнута. Несколько фамилий выделены красным маркером.

– Это размер обуви. Подчеркнуты те, у кого от сорок второго и выше. Нас же примерно сорок третий интересует?

– Откуда про размер знаете?

– Ваши утечки – ваша проблема. Я за дисциплину в вашем ведомстве не отвечаю.

– Это не мое ведомство, это горотдел.

– Так и тем более, о чем беспокоитесь? Плюсик рядом с фамилией – наличие автомобиля. Галочка – это отсутствие алиби.

– Ого.

– Вообще-то это вы должны были всю эту работу делать, – с насмешкой сказал Терновских.

– А кто сказал, что мы не делали? – немного обиделся Роман. – В дельфинарии уже на два раза всех опросили – и по нашему делу и по Николаю Арнольдовичу.

– Ладно, ладно, – успокоил его Терновских. – Я просто помочь хочу. Есть там такой старина, Карминов.

Роман взглянул в список. Фамилия Карминова была подчеркнута красным, напротив стояла цифра сорок три, плюсики и галочка.

– А вот смотри, что дома у Карминова нашли. На стене у него висит.

Терновских показал Роману телефон. На экране – постер с перевернутым крестом и готической надписью ДЭТ МЕТАЛ.

– Да у вас детективное агентство прямо-таки! Как вы к нему домой-то попали? – удивился Роман.

– Симпатичная девушка стучит: эй, соседи! Вы нас затопляете! Да не затопляю я, у меня не течет ничего. Ну давайте у вас в ванной посмотрим, можно мы пройдем? С девушкой парень, он проходит с хозяином в ванную, как более компетентный, а девушка остается и быстренько осматривает квартиру. Всему-то вас учить надо...

– Так старина металлист просто. Музыка такую слушает, типа сатанистскую. Это же не значит, что...

– Йоханый бабай, – разозлился Терновских. – Плавает как утка, крикает как утка – может все-таки это и есть утка? Ты бы хоть проверил урода этого, я тебе на хрен для чего инфу даю?

– Ты давай-ка потише. Что разорался? Тут тебе не стрелка.

– Извините, – сказал Терновских. – Разнервничался я.

– Я вас понимаю, – кивнул Роман. – Уж поверьте, я все делаю, чтобы уroda этого найти. И обязательно найду. У меня это дело последнее, уйду после него. И последнее дело хочу как надо закончить.

– А что так, уходишь? В бизнес потянуло?

– Да какой бизнес, – махнул рукой Роман. – Просто надоело. Устал.

– Бывает, – сочувственно сказал Терновских. – Если что – ко мне приходи. У меня в команде бывших ментов много. А фотки с карминовской хаты я тебе скину.

Он вышел. Роман закрыл дверь на ключ, высунулся с сигаретой в окно. Уже стемнело, по улице внизу проносился поток машин, разбрызгивая сверкающую в свете фонарей воду. Один за другим уезжали с горсоветовской парковки депутатские Лексусы. Роман достал телефон и начал листать присланные Терновских фотографии. Обычная однушка. Большие колонки. Ну да, парень ведь меломан. Полка с книгами: фантастика, биология. А вот на столе толстенный такой томик. Роман приблизил картинку, прочитал название на обложке: «Некрономикон»

Цой остановил машину за несколько домов от саурановой двухэтажки. Они с Романом дворами направились к ней,

хлопая по вечным лужам.

– Ты такую книжку знаешь – «Некрономикон»? – спросил Роман.

– Не-а, – ответил Цой. – А чё за книжка? Фантастика?

– Вроде эзотерика какая-то. Про демонов. Я ее в Интернете попробовал найти – а все ссылки битые. И на всяких озонах ее в продаже нет.

– Это ты по нашему делу про демонов решил почитать?

– Ага. Для изучения вероятного противника.

– Стой, я докурю здесь.

Цой несколько раз глубоко затянулся, щелчком выбросил окурочек.

– Там напротив вроде дерево есть подходящее. А больше камеру и некуда прицепить. Мы вот так обойдем, кустами, чтоб не светиться, – сказал Роман.

– Вон его окно. Ты ставь так, чтобы в поле и окно кухни попадало, и вход в подъезд. Если правильно поставишь, еще и кусок прихожей захватим.

Цой кивнул.

– Как представлю себя лезущим на дерево – чувствую себя дураком каким-то, – негромко сказал Цой.

– Лезь давай, – подтолкнул его Роман.

– Надо было хоть стремянку какую захватить, – запоздало сказал Цой и полез на дерево, чтобы установить камеру на нижней, довольно мощной ветви.

Роман успел услышать удивленную ругань Цоя, а потом на

него сверху рухнуло что-то тяжелое. Он еле успел увернуться от удара, поскользнулся и упал на кучу листьев. Упавшее на него нечто превратилось в человека, который быстро встал и, прихрамывая, бросился бежать.

ГЛАВА 9. «Ложная красострия»

Цой уже спрыгнул с дерева и с криком «стой, сука, стрелять буду!» бросился за неизвестным. Роман вскочил и побежал им вслед. Цой нагнал беглеца и ловко шмякнул его рукояткой по шее. Тот упал и закрыл голову руками.

Когда Роман подбежал, Цой уже поднял человека за шиворот, встряхнул его.

Роман всмотрелся в знакомое лицо парня.

– Ты у Терновских работаешь? Вадим, кажется? – спросил Роман.

Цой отпустил парня, тот кивнул.

– Ты чего там на дереве делал? – спросил Роман.

– Камеру хотел поставить, – нехотя ответил тот.

– Ну точно, детективное агентство, – проворчал Роман.

– И что с ним делать будем? – спросил Цой.

– Арестуем, как извращенца, который в окна подглядывал, – сказал Роман.

Цой с готовностью начал закручивать руку Вадима.

– Э, да я же пошутил, – остановил его Роман. – Пусти его, пусть идет.

Цой выпустил руку Вадима. Тот улыбнулся:

– Накладка вышла...

– Вы там кончайте самодеятельной следственной деятельностью заниматься, – строго сказал Роман.

– Почему самодеятельной? – оскорбился Вадим. – У нас лицензия есть, частное детективное агентство.

– И как называется ваше агентство? – усмехнулся Роман.

– Не помню. Ну агентство и агентство, – ответил Вадим.

– У частного детективного агентства полномочия очень скромные. И уж ставить шпионское оборудование в эти полномочия точно не входит, – пожурил его Роман.

– Бес попутал, – усмехнулся Вадим. – Ну так я пошел?

– Иди. И больше под ногами у нас не путайся.

– Окей, – ответил Вадим и исчез в темноте.

– Тебя куда забросить? – спросил Цой.

– Давай в седьмой. Или нет, домой давай.

– А что ты там про книгу спрашивал?

– «Некрономикон». Про нее Саурон говорил, Христенко который. Почитай, мол, и поймешь, что убийства – никакие не ритуальные. Там типа все по-серьезному должно быть, а не так, что бац по башке – вот тебе и жертва дьяволу. Я в интернете стал смотреть – да так и не понял, эта книга есть вообще или нет? В Википедии пишут с одной стороны, что это мистификация. А с другой пишут, что есть теория заговора, которая говорит, что книга самая настоящая.

– У меня же у отца книжный есть. Знаешь, который на углу Калинина и Маркса? Там букинистический отдел у него, старые книги принимает, потом перепродает. Некоторые себе оставляет. Короче, он разбирается в этом. Давай, я спрошу у него.

– Спроси. А камеру-то когда вешать будешь?

– Так палево сейчас, весь двор на уши подняли. Завтра подъеду, повешу. Если честно, так я думаю – херня вся эта затея с камерами. Если он убил – так будет как мышь тихо сидеть.

– Два убийства подряд – это как мышь тихо? После первого не затих ведь.

– Да сделаем наблюдение, не вопрос, – с сомнением сказал Цой.

Они помолчали, потом Роман попросил:

– У магазина тормозни.

Он вернулся с бутылкой водки, Цой заметил:

– А завтра-то нам в шесть утра металлиста брать.

– И че?

– Так не бухай сильно.

– Я не сильно, – успокоил его Роман. – Ты меня давай не домой лучше, а в седьмой.

– Дело хозяйское, – улыбнулся Цой. – А че по этому металлу, основания есть?

– Ты же его опрашивал. Я видео смотрел – охренеть, какой тип подозрительный.

– Так-то да. И по времени примерно укладывается, мог успеть. Опять же – дельфинов там херачит почем зря, анатомирует. А дельфины – они ж тоже твари разумные. Как человек почти. Такому и человека прибить ничего не стоит. Научный сотрудник, тудыть-налево.

– Я бы тоже мог там работать, если б из универа не ушел, – задумчиво сказал Роман.

– Жалеешь, что ушел? – спросил Цой.

– Да как сказать... На какие шиши жил бы сейчас?

– Ну этот металлист живет же как-то. И тачка нормальная у него.

– Может, ему родители хату да тачку купили. У меня таких вариантов не было...

– А че Генстепыч ваш по этому поводу говорит?

– Так он и говорит – задерживай уже кого-нибудь. А то в крае косо смотрят. Резонанс, говорят, уже по всей России пошел, а вы ни хрена не делаете. Дело в край могут забрать.

– Опять ты какой-то грязный, – заметила Лена.

– Работа такая, грязная, – ответил Роман, протягивая ей бутылку.

– Херачь в душ, – Лена подтолкнула его в сторону ванной.

Когда он вышел из ванной, Лена уже открыла бутылку, расставила на столе в гостиной какие-то тарелочки. Опять, как в ту беспокойную ночь, тягуче подмякивал нуарный джаз. Балкон был открыт, оттуда доносился убаюкивающий шелест дождя.

– Заморозить хочешь? Прикрой дверь.

– Тогда здесь не курим, – сказала Лена, закрывая балкон.

– Один раз покурим, – сказал Роман, налил стопку, выпил, затем налил следующую и снова выпил. Закурил, спичку положил в чайное блюдце.

– А это что у тебя? – Он вилкой указал на тарелку с чем-то бесформенным, бледным.

– Инга привезла. Красострия какая-то.

– Красострия это просто устрица по-латыни, точнее один из ее видов- заметил Роман. – А эта херня для устрицы великовата, даже для красострии гигас.

– О, вспомнила. Ложная красострия, так вроде. Я ее сварила.

– Хм... Роман с сомнением ткнул вилкой ложную красострию.

– Дашу-то как жалко, – грустно сказала лена. Это как же так? Весь город на ушах стоит, все девчонки на улицу выйти боятся... Пляжный маньяк, называют. А Славуцкая пишет, что не маньяк, а сатанист какой-то. Намекает, что и раньше девушки пропадали, только никто тревогу не бил. А тут дочка мэра сначала, потом дочка Богера – мол, только поэтому менты зашевелились, а до простых им дела не было. А что, правда пропадали девушки?

– Правда, – неохотно сказал Роман. – Заявлений никто не подавал. Девушки одинокие, без родителей.

– Сестра переживает, бедная. Как за родную дочь... Прикинь, сорок дней как раз – и тут же еще это... Их вместе поминать будут...

– Мне завтра в полшестого вставать. Пошли, – он встал и взял Лену за руку. В свободную руку он прихватил бутылку.

– Ты че так долго, – проворчал Цой. – Ребята на месте уже.

– Так еще без пятнадцати, че ты кипишишься, – успокоил его Роман. Как раз доедем.

Они подъехали к пятиэтажке. К нему подошел старший группы – в черной балаклаве, сквозь вырез которой холодно смотрели голубые глаза с какой-то страшноватой поволокой.

– Обслуживаем по люксу?

– Да можно без люкса обойтись. Вроде не террорист же.

Старший кивнул и несколько черных фигур бесшумно исчезло в подъезде. Когда роман с Цоем поднялись на четвертый этаж, дверь была выбита, а полуголый Карминов извивался под ботинком старшего. Из разбитого его лица сочилась темная кровь.

– Не ори, сука, – негромко приказал старшой, и Карминов сразу прекратил громкие всхлипывания.

Из больших колонок негромко рычал злобный дэт-метал.

– Даже ночью слушает, – удивился Цой. – Или он не спал уже?

– Спал, сучонок, – глухо ответил из под балаклавы голос старшего.

– А Димка-то где? – спросил Роман, оглядываясь. – Хера

ли мы тут без криминалиста делаем?

– Да здесь я, – отозвался Дима из второй комнаты. – Уже работаю.

Роман прошел к столу, на котором лежала книга с готической надписью Некрономикон. Он натянул прозрачные перчатки, взял увесистый томик в руки. Чуть помедлив, открыл книгу. Это был исписанный корявым почерком ежедневник. «Покормить Марфу по диете три», прочитал он. Закрыв, положил ежедневник на место. Наблюдавший за ним Цой сказал:

– Я у отца спросил вчера про книжку. Он говорит это не книжка ни фига, просто бренд – они дорогие ежедневники из кожи выпускают. У отца в магазине есть парочка. Их редко берут, дорогие сильно.

– Пока в ИВС его сунем, – сказал Роман, когда они выходили из цоевской машины. Карминова вывели, уже одетого, повели вглубь здания. На крыльце Роман увидел Вадима, «частного детектива» Терновских. «Детектив» дружески беседовал о чем-то с каким-то лейтенантом.

– А ты что тут делаешь? – удивился Роман.

– А я задержанный, – усмехнулся Вадим.

– Это как ты умудрился-то?

– Хулиганил. Витрину вот разбил. Пьяным был, – подмиг-

нул он Роману и вместе с лейтенантом удалился.

– Из Края журналистка приедет. Интервью дашь, – сказал Геннадий Степанович, отхлебывая из чашки чай.

– А я-то что? Пусть Наташка дает. На то она и пиарщица у нас.

– Наталья Сергеевна основной комментарий даст. А ты так, для картинки скажешь: задержан подозреваемый, работа следственных органов продолжается, воды какой-нибудь нальешь с умным видом. Допрос когда?

– После обеда собирался. Сейчас с бумагами поработать надо.

– Поработай, а то у тебя завал там. Ты лампу вниз отнеси к электрику, будь добр, – попросил Геннадий Степанович. – А за тем сатанистом, за Сауроном – наблюдение снимать не надо.

Роман сидел перед компьютером и курил, даже и не открывая окно. Он увеличил фотографию одной девушки. Затем – другой. Затем снова – первой. Потом он достал из стола листок, который дал ему Терновских, долго смотрел на

список с вычеркнутым именем Николая Арнольдовича.

– Херня какая-то, – выругался он негромко. Набрал в поисковике «Некрономикон купить».

Выпало: «Ежедневники Некрономикон кожаный переплет». Он побродил по ссылкам и на каком-то англоязычном сайте набрел наконец на ссылку, предлагавшую купить не ежедневник, а самую настоящую книгу. Ее цена – 1200 долларов – впечатлила Романа.

– Ни хера себе, – сказал он, откидываясь на спинку кресла.

На выходе из ИВС он опять столкнулся с Вадимом.

– Недоразумение вышло, так что отпустили меня, – развел руками Вадим, прыгнул в свой черный пиджак и укатил.

Привели задержанного – понурого, в порванной рубашке. Роману показалось, что синяков и кровоподтеков у задержанного как-то прибавилось.

– Что это вы, Виталий Евгеньевич, неаккуратный такой, расхристанный весь, – обратился Роман к задержанному. – Пуговицы на рубашке хоть застегнули бы.

Карминов мрачно посмотрел на Романа.

– Что издеваться-то? – тихо спросил он.

Роман опустил глаза, побарабанил пальцами по столу. Спросил:

– Признаться ни в чем не хотите?

Карминов молчал. Роман тоже молчал.

– Курите? – спросил он.

– А что, здесь можно? – спросил Карминов.

– А мы тихонько покурим. Никому не скажем, – Роман подмигнул Карминову и протянул ему сигарету, дал прикурить от своей зажигалки. Подумав, закурил сам, пепельницу соорудив из сложенного листка бумаги.

– Спасибо, – сказал Карминов. Пальцы его заметно дрожали.

– Так что, облегчишь совесть? – спросил Роман. – Можно все по невменяемости провести – годик посидишь в психушке, да и на свободу с чистой совестью.

– Я без адвоката говорить не буду.

– Если ты невиновен – почему без адвоката не можешь прямо и заявить: я не виновен, никаких убийств не совершал? Уж это против тебя никак обернуться не может, если ты и впрямь невиновен.

– Это я могу без адвоката заявить.

– Так заяви.

Карминов замялся на мгновение, затем сказал:

– Заявляю.

– Что ты заявляешь?

– Что невиновен.

– А где был в прошлую пятницу?

– Что вы тут комедию ломаете? – возмутился Карминов, а на глазах парня выступили слезы. – Я же все уже рассказал,

только что.

Роман вспомнил, с каким довольным видом недавно запрыгивал в свой паджерик Вадим.

– По содержанию в ИВС у вас есть претензии? – спросил Роман, внимательно глядя на Карминова.

Тот долго молчал, опустив голову, затем выдавил из себя хрипло:

– Нет. Я вам сказал – без адвоката говорить не буду. Статья пятьдесят один – имею право не свидетельствовать против себя.

– Грамотный? Даже номер статьи помнишь... Часто приходилось вот так вот на вопросы следователя отвечать?

– Вы же знаете, что никаких приводов у меня не было. Смотрели же по своей базе.

– А что тогда юлишь, как уж на сковородке? Если не виновен – так помоги следствию. Че ты мне тут за конституцию прячешься? А?

– Я не прячусь, – угрюмо сказал Карминов. – Окурок куда?

– Да вот же пепельница, – указал Роман на сооруженную им корявую бумажную коробочку. – Да ты нормально туши, ты тут еще и пожар мне устроишь.

Он затушил и свой окурок, для верности плюнул в импровизированную пепельницу и бросил ее в корзину для бумаг.

– Мне адвокат нужен.

– Да будет тебе адвокат, что ты переживаешь? Давай по-

ка познакомимся получше. Нам еще с тобой долго работать придется.

– Мне адвокат нужен, – упрямо повторил Карминов.

– Ладно, пока закончим, – сказал Роман, вставая. – Скоро в СИЗО тебя переведем, там обустроишься, подумаешь немного – и снова поговорим.

– Когда адвокат будет?

Журналистка оказалась видной темноволосой девушкой типа фемм-фаталь.

– Васька, вот этот ракурс лучше возьми, – бесцеремонно обратилась она к оператору, когда они начали обустраивать в кабинете романа съемочное пространство.

– Анастасия Семеновна, так света не хватит.

Паренек походил со штативом по кабинету, затем обратился к Роману:

– А мы можем стол ваш немного вот сюда подвинуть?

– Да тут провода... А, ладно, давай подвинем.

Они сдвинули стол, оператор начал настраивать камеру, фемм-фаталь спросила у него:

– Я в кадр нормально попадаю?

Паренек кивнул.

– Все готово, можно начинать.

– Как часто в вашем городе происходят такие вот серий-

ные убийства? – спросила журналистка.

– Пока мы не можем с уверенностью утверждать, что имеем дело с классическими серийными убийствами. Не снимайте пока, – махнул он рукой оператору. – Послушайте, я вам все равно по этому делу ничего сказать не могу. Мы же договаривались, что я вам просто общих фраз наговорю, а меня вы только для картинки возьмете.

– Так это итак для картинки. Там закадровый голос пойдет: следственно-оперативная группа круглосуточно работает над раскрытием серии страшных убийств. Потом пойдут кадры с этим вашим мальчиком симпатичным, с оперативником. Цой который.

– Ладно, поехали, – вздохнул Роман.

Уходя, журналистка сказала Роману немного томно:

– Я, кстати, сегодня еще не уезжаю. Мы здесь ночевать будем, в «Авроре». Номер четыреста четыре. Если захочется рассказать что-нибудь интересное без камеры – вы заходите, не стесняйтесь...

Она улыбнулась густо напыженными губами и удалась. Роман закрыл за ней дверь на ключ, сказал зачем-то вслух сам себе:

– Ложная красострия.

Зазвонил телефон.

– Че, Андрюх? – спросил Роман, закуривая.

– Да херово че-то, – ответил Андрюха. – Карминов повесился.

ГЛАВА 10. «Матрос в отпуску»

Геннадий Степанович был очень зол. Проявлялось это в том, что он, вопреки обыкновению, не сидел за столом, рассматривая древнюю монету или медальку, а ходил по кабинету, засунув руки в карманы и недобро поглядывая на Романа.

– Есть сигарета? – спросил он у Романа. Закурил.

– Вам же нельзя курить...

– Не твое дело, – мрачно отрезал Геннадий Степанович. – Тут итак проблемы у меня. Взял коллекцию одну, для перепродажи. А покупатель слетел. Десятка баксов зависла. А тут у тебя еще подозреваемые вешаются. Хорошо, хоть откачали. Что там журналистка эта?

– Да ничего особенного. Я ей вату протер всякую.

– А дочь Терновских с дочерью Богера как общались? Они в одной компании были? Есть у тебя вообще нормальные данные по делу?

– Конечно, есть. Они вообще не общались. Аида отстраненная была. Типа «я для вас сильно крутая». А Дарья Богер – она обычно себя вела. Сильно ни с кем не общалась, просто училась. Но отношения со всеми одногруппниками ровные были. Я бы так сказал, что Аиду и Дарью ничего не связывало, кроме того, что обе из богатых семей, а учились в мореходке.

– А что мореходка? Херовое место, что ли? У меня отец там учился, – сказал Геннадий Степанович. – Это когда училище еще в Крае было. Отец потом заведовал рыболовецкой флотилией. К Антарктиде плавал!

– Так у меня дед там учился, – сказал Роман. – Просто раньше это был как университет для моряков. А теперь – ну фиг его знает...

– Карминов сейчас в больничке. Будет жалобы херачить. Ты устрой как-нибудь по нормальному это. Чтобы без жалоб.

– Как это? – спросил Роман.

– Ну йоханый бабай. Девку симпотную к нему пришли, с пирожками какими-нибудь. Пусть сочувствие всяческое выразит.

– Так у нас из симпотных – только Наташка.

– Не, Наташка – пиарщица, лицо фирмы. Не надо ее на всяких уродов разменивать. Ладно, я с главврачом поговорю. Херачь работать. И думай – что девок связывало. Почему именно их двоих мог убить наш сатанист Карминов?

Роман накинул халат, зашел в мертвецкую. Артем Сергеевич колдовал над каким-то свежим трупом.

– На спящих красавиц посмотреть зашел? – со смешком спросил он Романа.

– Ну да. Общее найти хочу. Почему именно их убили?

Зашел служитель мертвецкой, выдвинул ящики. Роман посмотрел на лицо Аиды, на лицо Дарьи.

– А это у тебя кто? – спросил он Артема Сергеевича.

– Фимусов какой-то, сейчас мать на опознание приходила.

Вроде признала, хотя и распух.

– Фимусов? А что с ним?

– Утонул вроде. На берегу нашли, напротив Горки. В море пару дней поплавал, потом вынесло.

– Хорошо, что ты решил поехать, – сказала Лена. – Инге сейчас любая поддержка важна.

Они вошли в открытую дверь. За столом с почтительно-грустным видом сидело несколько человек. Инга в черном платочке стояла и курила у открытой балконной двери.

– Помянем обоих, – спортивный и загорелый мужчина лет шестидесяти встал, держа в руке рюмку. – Он был моим другом. Она была дочерью моего друга. Лишних слов говорить не буду...

Роман выпил. Сидевшая рядом Лена положила руку ему на бедро.

– А это кто? – тихо спросил у Лены Роман.

– Это Олег, – также тихо ответила она, – бизнес-партнер егошний. У них рынок пополам.

Когда Олег пошел к балкону – покурить, Роман тоже на-

правился туда.

– А вы его друг? – спросил Роман, протягивая мужчине зажигалку.

– Друг. А вы кто? Вроде незнакомы?

– Я друг сестры жены.

– Друг сестры жены... Меня Олег зовут.

– Роман.

– Чем занимаетесь, Роман?

– Следователь.

– Хорошая специальность. Полезная для общества, стыдиться не приходится.

– Вроде нормально. А вы?

– Просто бизнес.

– Рынок?

– Рынок тоже. Но это так, старые воспоминания. Я сейчас больше по медицинской теме. ЦереброФарм слышал?

– Нет, – покачал головой Роман. – Что за ЦереброФарм?

– Для японцев производим препараты. – Олег достал из кармана маленькую баночку, потряс ею. – Японская лицензия, но у них сертификацию не прошло, производство там запрещено. Вот они у нас производство и разместили.

– И куда вы его?

– Сейчас в Индию в основном. Тамошним кшатриям, – улыбнулся Олег.

– А можно, я как следователь у вас спрошу?

– Конечно.

– Что могло связывать Аиду Терновских и Дашу?

Олег задумался.

– По бизнесу у нас с Терновских никаких пересечений не было. А вы что, именно это дело и ведете?

– Ага.

– А конфликта интересов нет?

– В смысле? – удивился Роман.

– Друг родственницы жертвы.

– Это уже дальше, не считается.

– Что ж, пора к скорбному столу, – сказал Олег и фамильярно хлопнул Романа по плечу.

Минут через десять Роман встал, негромко извинился: дела ждут и направился к выходу. Лене сделал знак: сиди, не провожай.

Он решил пройтись немного по вечерней пустынной улице. Бесцельно шел, огибая заполненные зеркальной водой выбоины, перешагивая через бугры вздыбившейся некачественной брусчатки. Остановился на площадке у бара «Морская Звезда», откуда прекрасно видны были огоньки порта внизу. Он помедлил немного, зашел в «Звезду», подошел к стойке, у которой клевал носом какой-то пьяный матрос. Сначала Роман подумал, что в баре никого больше и нет, но потом заметил какого-то сидевшего к залу спиной мужчину с одинокой бутылкой водки на столике. Роман брезгливо посмотрел на матроса, сдвинул один из стульев подальше к углу, поздоровался с барменом.

– Есть прикольная белорусская водка, – сказал бармен.

Роман кивнул, бармен ловко налил две стопки – ему и себе.

– За попутный ветер! – шутливо поднял бармен свою рюмку. – Это чудо делают на одном маленьком частном заводе. В широкой продаже не бывает, вся расходуется по ценителям.

Роман чокнулся с ним, выпил.

– Разве бармену можно потреблять свой товар? – спросил Роман.

– Сегодня скучно. Нет никого, разве что вот это тело. – Бармен указал на матроса. Тот поднял голову, окинул бармутным взглядом, снова положил голову на руки.

– А че ты не выкинешь его? – негромко спросил Роман.

– А он не бузит. Вчера угощал тут весь бар. Сегодня вот опять появился ближе к вечеру. Корабль у него завтра отходит, а он тут мирно расслабляется.

– А че он босиком?

Бармен перегнулся через стойку.

– И правда босиком. А черт его знает, че это он. Вчера в обуви был.

Матрос снова очнулся. Выпрямился, потянулся. Взгляд у него был уже вполне осмысленным. Он взял полстакана вискаря, медленно и с отвращением выпил. Оглядел бар – и целеустремленно направился к одинокому посетителю.

– Это ты в Пусане быковал тогда? – спросил матрос.

– Отвали, – беззлобно сказал человек.

– В смысле – «отвали»? – деланно возмутился матрос.

– Братан, в Пусане я никогда не был. Ты меня путаешь с кем-то. Ты бы обулся лучше, застудишься.

– А тебе-то чо? – не унимался здоровый матрос. Худощавый посетитель, судя по всему, не внушал ему никаких опасений.

– Э, ты! Полегче там! – крикнул матросу Роман. Матрос развернулся и направился к нему. Не успел Роман обдумать происходящее, как получил мощный тычок в грудь – и больно стукнулся спиной о барную стойку. Он нанес ответный удар, прямо в матросов нос, который ощутимо хрустнул под его кулаком. На матроса удар Романа не произвел большого впечатления. Он собирался ударить Романа – но вдруг оказался на полу, с заломленной рукой, которую держал одинокий посетитель.

– Че с ним делать? – спросил посетитель у бармена.

– Можно ментам сдать, – бармен посмотрел на Романа.

Роман отрицательно покачал головой .

– Тогда давайте его отсюда депортируем.

Бармен вышел из-за стойки. Посетитель, все так же держа руку матроса на изломе, заставил его встать.

– Ты же обещал мирным быть, – укоризненно сказал бармен матросу. – Иди-ка ты отсюда, пока ментам не сдали.

Он вытолкнул матроса в дождь, налил Роману и второму мужчине по рюмке:

– За счет заведения.

– Спецназ? – спросил Роман у мужчины, который быстро выпил рюмку и собирался уже удалиться в свой угол.

– Бывший, – улыбнулся мужчина. Было ему лет сорок, одет в джинсы и тяжелую кожаную куртку.

– Поучаствовал?

– Первая и Вторая.

– Я только в Первой, – сказал Роман. – Что один там сидишь?

– Да так, задумался что-то, – усмехнулся мужчина. – Пойдем, присядем. У меня водки полно, а в одного не лезет как-то.

Они прошли к его столику, мужчина протянул руку:

– Антон.

– Роман.

Сели.

– Здешний? – спросил Роман.

– С Охотска.

– Тут охотских много. У меня знакомая есть. Лена. Светленькая такая, может знаешь?

– Не, не знаю, – помотал головой Антон. – Конечно много – что там делать? В девяностые все позакрывалось, порт умер почти. Было десять тыщ население, сейчас тыщи три осталось.

– Давно здесь?

– Два года.

– А в Охотске чем занимался?

- А чем там заниматься? Я больше по военным делам, в Охотске и не бывал почти в последние годы.
- А щас – служишь где-то?
- Не, – покачал головой Антон.
- А что так?
- Ну так вот – звезды не совпали, – уклончиво сказал Антон
- Ну, тогда давай выпьем за звезды, чтоб совпадали. Они выпили.
- Ладно, пора мне, – сказал Антон. – Завтра на работу с утра.
- Где работаешь?
- За город ехать надо, – сказал Антон, рассчитался в баре и пошел к двери.
- Водку-то забери! – крикнул вдогонку Роман.
- Оставь себе, – ответил Антон и вышел.
- Заиграла «Саммер Тайм», сигнал вызова.
- Слушаю.
- Это Анастасия. Мы с вами беседовали сегодня.
- Случилось что-то? – спросил Роман.
- Я сейчас сижу в гостинице одна. Пью коньяк. Раскладываю карты Таро, – томно сказала журналистка. – Не могли бы вы немного скрасить мое одиночество?

ГЛАВА 11. «Импровизация»

– Давай заново знакомиться. Я – Настя. И давай-ка на ты.

– На ты – так на ты. Только договоримся – про работу ничего не спрашивай. Считаю, что я в отпуске, – сказал Роман, проходя в номер, претендовавший когда-то на советское подобие провинциальной роскоши. Гипсовая лепнина на потолке с пухленькими, похожими на маленького Володю Ульянова амурчиками. Эркер – архитектурное излишество античных сталинских времен. В номере было полутемно, на тумбочке у изголовья огромной кровати уютно светила зеленая настольная лампа с порванным абажуром.

Роман поставил на стол наполовину полную бутылку из бара.

– На всякий случай. Вдруг твоего коньяка не хватит.

Настя была одета как-то нарочито по-домашнему: халат с японскими узорами, пушистые тапочки с детскими бомбончиками.

– Я думал, что только мужчины в командировках бухают и находят себе... э... случайных партнеров.

– Что мы, не люди что ли? – усмехнулась Настя.

На столе стояла початая бутылка коньяка и лежала колода карт Таро.

– Знаешь такие карты? – спросила Настя.

– Еще бы не знать. В последнее время они меня просто

преследуют, – ответил Роман, усаживаясь в накрытое ветхим покрывальцем кресло. – А че ты не в «Саппоро» остановилась, че в «Авроре»?

– В «Саппоро» цены такие – главред удавится оплачивать. Преследуют, говоришь? Значит – тем более разложить надо.

– Да не верю я в мистику всякую, – отмахнулся Роман.

– А нет никакой мистики. Символика Таро созвучна архетипам нашего сознания. И это всего лишь один из способов свое сознание раскрепостить. Услышать его скрытый голос.

– Подсознание?

– Типа того.

– Ну не знаю...

– А что не знаешь? Нужно же нам для приличия что-то делать в начале вечера, – улыбнулась Настя. – На, поддержи колоду в руках. О чем узнать хочешь? Можно просто на текущую ситуацию – а карты сами поймут, что тебя волнует, и что в этой ситуации является по-настоящему важным.

Роман подержал колоду, отдал Насте.

– Я музыку включу? – спросил он, доставая телефон.

– А что ты слушаешь?

– Да хоть что включить можно. Но для расслабления я предпочитаю джаз какой-нибудь нуарный.

– О, обожаю нуарный джаз! – воодушевленно сказала Настя.

– Первый раз вижу человека, который обожает нуарный джаз, – с сомнением сказал Роман, включая музыку.

– Ну, это не удивительно. У вас тут, в дикой провинции – какой может быть джаз? – засмеялась Настя.

Роман налил коньяк в гостиничные стаканы, закурил.

– Вообще, при гадании на Таро пить не желательно. Не те духовные сущности можно привлечь выбросом своей пьяной энергии, – задумчиво сказала Настя.

– Тогда может и не надо? – спросил Роман, стряхивая пепел в пластиковую коробочку от фисташек.

– Так ты же в мистику не веришь? Вот и нечего опасаться.

– От меня что надо?

– Я перемешаю колоду, ты вытяни три карты. Если понадобятся разъяснения к ситуации – вытянешь дополнительные.

– Это какой-то специальный расклад?

– Это импровизация будет. Свободный расклад.

Роман вытянул три карты, положил на столик. Выпил глоток коньяку, поморщился.

– Дурак – это ты. Уж извини... Император или Король – это могущественный человек в данной ситуации. Верховная Жрица – перевернута. Какая-то безумная баба. Вытащи-ка пояснения к каждой карте.

Роман криво улыбнулся, вытащил еще три карты, положил их к вытянутым ранее.

– У тебя – Повозка. Это выход в мир, снятие противоречий, появление нового. У Короля у этого – перевернутая Справедливость – самодурство, интриганство. У Жрицы –

повешенный...

– Повешенный? – переспросил Роман.

– Отзывается что-то? – спросила Настя. – Тут важны не только канонические значения карт, но и то, как они в тебе отзываются.

– Можно и так сказать, что отзывается, да. А эти Король и Жрица – они вместе действуют?

– Они оба вовлечены в твою ситуацию.

Музыка на телефоне Романа угасла, сквозь нее пробился сигнал вызова.

– Поставил я камеру и прослушку, – сказал Цой. – И что думаешь? Там тихо, как в могиле. И никаких движений.

– А свет?

– Свет горит.

– А ты нормально звук настроил?

– Слышно, как в трубах на кухне вода булькает, от соседей сверху. С аппаратом все в порядке, – ответил Цой.

– Уехал куда-то наш Саурон?

– А старушку куда дел? Вместе с ней уехал?

– Мда... Что поделывать... Давай до утра ждать, а там посмотрим.

– Я тогда все, отключаюсь.

– Я тоже, – сказал Роман. – До завтра.

Он помолчал, глядя на карты, потом спросил Настю:

– А ты, случайно, не знаешь книгу такую – Некрономикон?

– Ого. То про Сауруна говоришь, то вдруг про это.

Она прибрала карты в специальный мешочек из ткани, пояснила:

– При них про такую чертовщину лучше не надо, а то еще приклеится.

– При них? Ты о картах прямо как о живых говоришь.

– В моей реальности – они и есть живые.

– Разве реальность не одна единственная? Вот есть конкретные факты. Есть действия, последствия, причинно-следственные связи. А разные версии реальности – это просто невнимательность свидетелей или ложь подследственных.

– И все мы – подследственные на божьем суде, – пародийно-замогильным голосом сказала Настя. – Ну и метафоры у тебя – свидетели, подследственные. Как там у Пелевина – «внутренний прокурор», «внутренний мент»...

– Так что про Некрономикон? – настойчиво спросил Роман.

– Давай-ка лучше выпьем.

Они выпили, затем она сказала:

– Есть несколько версий насчет этой книги. Первая – что ее придумал один американский писатель. То есть он ее не писал даже, она просто фигурирует в его произведениях как вымышленный артефакт. Вторая – что он описывал действительно существующую книгу. Третья – что книги такой не было, но Алистер Кроули взял – и написал ее на самом деле. То есть как бы он и не писал, а она снизошла на него. Есть

еще несколько вариантов книги, написанных разными малоизвестными мистиками. В принципе, книгу можно купить – хотя и недешево. Но лучше ну его на фиг... А что, она фигурирует в деле об убитых девушках?

– Не совсем так. Может фигурирует – а может и нет. Слушай, ты же обещала – о работе меня не спрашивать.

Роман поставил телефон на беззвучный режим.

– Тогда погрузимся во тьму, – сказала Настя и выключила свет.

ГЛАВА 12. «Поздравления»

Рано утром Роман заехал домой – переодеться. Прошелся по комнатам – никого не было. Зашел в кабинет, сдул пыль со старой советской вертушки, поставил не слишком громко пластинку. Переоделся. Прошел на кухню, задумчиво рассмотрел содержимое полупустого холодильника. Достал брикет крабового мяса, сунул его в микроволновку – пусть подтает. Пожарил глазунью, сварил в металлическом кофейничке крепкого кофе. Выложил на подоконник старый хлеб – для птиц. Когда он собирался уже чинно, как доктор Ватсон в старом фильме, позавтракать, зазвонил телефон: Андрюха. Не ожидая от звонка ничего хорошего, Роман включил телефон на громкую связь и начал отковыривать от подтаявшего брикета кусок краба.

– Песец, дуй на работу. Еще одну бабу нашли.

– Идешь-косишь... Где? На пляже опять?

– Не, в Нахаловке. Возле мусорки. Опять крест на лобешнике.

– Еду.

Роман запихнул в себя кусок краба и набрал номер водителя.

– А ведь первый снег пошел! – с улыбкой сказал Цой, глядя куда-то вверх и ловя ладонью редкие снежинки. Среди мусора, раскинув руки, лежала женщина лет тридцати. Навивная прическа, лицо спокойное, как у спящей. На лбу – перевернутый крест.

– Это неофициальная свалка. Тут мусор нельзя выкидывать, хотя многие привыкли, им так ближе, – сказал криминалист Дима. – Мне кажется, убийца хотел, чтобы труп нашли быстро – вот и положил к мусорке. Но сюда не так часто выкидывают. Вот труп и пролежал довольно долго, пока нам сообщили.

– Да, уже довольно долго тут лежит, – задумчиво сказал Артем Сергеич. – А вот с какого хера он на этот раз раздел жертву? Давайте-ка уже перевернем. Все зафиксировали? Ну так давайте, аккуратненько.

На спине они увидели перевернутую звезду в круге.

– Тоже сатанинский знак. У Карминова на ежедневнике такой же был, – сказал Роман.

– Ага, только Карминов на момент убийства тихонько лежал в психушке, обколотый добрыми препаратами, – с сарказмом сказал Андрюха. – Вся версия с Карминовым идет на хер.

– Вот что сейчас делаем. Группу вызываем – и к Саурону.

– Да нет его там, я так думаю, – сказал Цой. – Там до сих пор тишина полная.

– Артем Сергеич говорит, что жертва умерла от кровопотери. Ее связали, вскрыли ей вены. Кровь применяется для сатанинских обрядов, – сказал Роман.

– Применяется. Но от кровопотери ты в любом случае умрешь, даже и без обрядов.

– Но Карминов, получается, не причастен.

– Не причастен.

– Значит Карминова отпускать надо? – спросил Роман.

– Как это – отпускать? – удивился Геннадий Степанович. – Он теперь не в нашей компетенции, им психиатры занимаются. А у них там свои порядки, мы в них вмешиваться не можем.

– То есть? Он что, так и останется в психушке?

– Ну а где ему быть? – удивился Геннадий Степанович. – Человек совершил попытку самоубийства. Это является показанием для госпитализации.

– Так он же ни в чем не виноват! – нахмурился Роман.

– Ты прав, душевная болезнь – не вина человека, а его беда. Да что ты беспокоишься? Подлечат и выпустят. – усмехнулся Геннадий Степанович. – Ты не о шизиках всяких думай. Лучше о себе думай. И об организации, хоть ты и уxo-

дишь.

Зазвенел служебный телефон. Геннадий Степанович снял трубку:

– Ага.

Встал, повернулся к книжной полке, на которой начали уже скапливаться новые бюстики Ленина и сказал Роману:

– Группа готова, все бумажки подписаны. Берите этого, как его... Саурана.

– А дверь-то открыта, – негромко сказал старший группы. Он сделал знак, и черные фигуры исчезли в дверном проеме. Старшой зашел следом, а через минуту крикнул:

– Живых никого нет!

Роман прошел в квартиру и сразу столкнулся с висевшим на одежной вешалке телом. Он отстранился, взглянул в лицо трупа. Саурон, он же Христенко. Роман прошел в комнату, сморщился – у стола в кровавой луже лежала давешняя старушка, сауринова бабушка. На столе стоял стеклянный кувшин с темной красной жидкостью, в которой как-то сразу угадывалась кровь. Рядом – окровавленное тряпье и полосатая, цветов регги шапочка. На краю стола было аккуратно разложено пять фотографий. На каждой чем-то бурым начертан перевернутый крест. Три недавних жертвы, а еще Роман узнал лица тех девушек, об исчезновении которых го-

ворила Славуцкая.

Дима посмотрел на тряпье, отметил:

– Женское белье.

Посреди стола – лист бумаги с надписью большими буквами: ОБРЯД ЗАКОНЧЕН. УХОЖУ.

– Можно поздравить? – Цой хлопнул Романа по плечу. – Серия убийств раскрыта. Хороший финал карьеры.

– Поздравляю, – с еле заметной усмешкой сказал Артем Сергеич.

– А это что? – Роман указал на большой шмат темного мяса, лежавший на столе. – Человечина, что-ли?

– Я так думаю, что это дельфинятина, – сказал Артем Сергеич.

День прошел вслед за другими днями и уже совсем стемнело.

– Кровь на шапочке принадлежит первой жертве, Аиде Терновских. Отец шапочку опознал. И на фото эта шапочка фигурировала, – продолжил доклад Роман. – Под ногтями третьей жерты, наркоманки с Расточки, обнаружен биологический материал подозреваемого Христенко. По двум фото провели опрос, есть данные, что девушки действительно пропали около года назад. В телефоне подозреваемого обнаружены следы работы на их аккаунтах, которые он вел, что-

бы имитировать их обычную жизнь. Короче, самый настоящий серийный убийца-маньяк получается.

– Да понял я общий расклад, – остановил его Геннадий Степанович. – Мне лучше в бумажном виде. А вообще – от души поздравляю. Молодец!

Он полез в стол, достал оттуда немного помятую бумагу:

– Твое заявление я подписал послезавтрашним числом. Дело сдаешь – и свободен, как я и обещал. Как муха в полете, хе-хе.

Он достал с полки одного из лениных, погладил его указательным пальцем по лысине, добавил:

– Тут эта, журналистка из Края – не уехала еще, оказывается. На перевале снег выпал, не проедешь, говорит. Тебя очень хвалила, кстати... Вдумчивый такой у вас сотрудник, говорит... Интервью ей сегодня дашь, она его потом запустит, когда дело официально закроем.

– Геннадий Степанович, вы все-таки похлопочите, чтобы Карминова отпустили, – сказал Роман.

– Какого еще Карминова? – удивился Геннадий Степанович, нахмурился, вспоминая. – А, этого, сатаниста-лайт? Ладно, поговорю с главврачом, чтоб сильно долго не держали. Хотя – что ему переживать-то? Официальный больничный идет, все нормально.

Роман вышел на улицу. Снег падал большими хлопьями, снежинки танцевали в свете фонарей и хотелось думать, что вот он уже и пришел – Новый год. Но небо озарила вспышка

молнии, а спустя несколько секунд глухо пророкотал раскат грома.

– Поздновато для грозы, зима на носу – а оно грохочет! – сказала Роману бодрая старушка, улыбнулась и, обгоняя его, резво потрусила куда-то по своим вечерним старушечьим делам.

ГЛАВА 13. «Лернейская Гидра»

Андрюха зашел в кабинет Романа, достал из кармана флешку.

– Тут все видео с того опроса, который по нашему делу был. А по Николаю Арнольдовичу который делали – это тебе у Пашки надо спрашивать. А зачем тебе? – спросил он. – Дело раскрыто, все довольны...

– Сам не знаю. Я вот все думал – что связывает убитых девушек? Не мог никак понять. А ты вот посмотри.

Роман развернул к Андрюхе экран ноутбука. На экране – две фотографии, Аиды Терновских и Дарьи Богер, в одинаковых полосатых шапочках.

Андрюха долго смотрел на фото, потом спросил:

– Шапочки, что ли?

– Шапочки.

– Завезли в магазин сто таких шапочек, и что? А у третьей жертвы вообще никакой шапочки не обнаружилось, – сказал Андрюха, усаживаясь на стул.

– Если убийца плохо знал жертву в лицо, но знал, что она будет в такой вот шапочке – мог же он перепутать девушек? По комплекции примерно одинаковы, одежда тоже похожая. А шапочка яркая, она на себя внимание отвлекает.

– Теоретически все это возможно, – согласился Андрюха. – Но улики-то указывают конкретно на Христенко покой-

ного.

– Вот именно – покойного, – сказал Роман. – То есть мы от него самого вообще ничего узнать не можем. А зачем он бабушку свою зарезал, ты можешь объяснить?

– Так он сумасшедший, что тут объяснять, – пожал плечами Андрюха. – Бабку тоже в жертву принес своему Люциферу или Ктулху. Ты к чему, вообще, клонишь?

– Я просто размышляю логически. Вот смотри, если все дело в шапочках и в том, что девушек между собой спутали – тогда что получается?

– И что получается? – спросил Андрюха, налил себе кипятку, хотел бросить туда чайный пакетик, но передумал.

– Человек хочет убить конкретную девушку, которую он лично не знает – для него шапочка важный ориентир. Тут не подходит ни версия ритуального убийства, ни версия маньяка, ни версия личной неприязни. На что это похоже?

– Да мало ли на что, – задумался Андрюха. – Например – киллер. У девок ничего нет, но есть бизнеса у их родителей. Тогда киллер по ошибке убивает Аиду...

– Но это косяк – задание-то не выполнено. Денег не будет, – сказал Роман.

– Не будет, да... И тогда он все-таки находит нужную ему девушку – и тоже убивает. А крест на фиге?

– Ложный след. Потом третьим убийством он этот ложный след закрепляет, – пояснил Роман.

– Под ногтями у третьей жертвы – кожа Саурана. На руке

у него есть соответствующие царапины, – сказал Андрюха.

– Но тогда убийца должен был знать, что Саурон у нас на подозрении.

– Так Славуцкая у себя в блоге по этой версии несколько материалов делала. Сейчас вообще – купается в лаврах... Или почивает на них, или как там... «Натолкнула следствие на верный ход мысли».

– Да, у нее прямо звездный час! – засмеялся Андрюха. – А мясо дельфина – тоже убийца подкинул? Тогда он должен был узнать о результатах экспертизы от кого-то из нас.

– Не обязательно. Мог работать в дельфинарии – тогда ему было бы понятно, что мы подозреваем кого-то из сотрудников, – возразил Роман.

– Киллер, работающий в дельфинарии? То есть кто-то с серьезными интересами нанимает непонятно кого, вместо того, чтобы к профессионалам обратиться? Так себе версия. Но в любом случае – сейчас все это просто игра ума. Дело блестяще раскрыто, никто заново начинать не будет.

– А я же сразу говорила – сатанист там работает, в дельфинарии! – с наивной гордостью сказала Лена. Раньше ее наивность умиляла Романа, но сейчас он немного скривился в ответ на ее слова.

– Давай просто покатаемся немного, – сказал Роман. – мо-

жет, до Золотого Взморья сгоняем?

– Не, – мотнула головой Лена. – На перевалах снег везде. Никто из наших в Край вообще не едет. На Американском перевале прикинь – три фуры перевернулось! Сейчас люди в аэропорт опаздывают – а их не везет никто, ни за какие деньги. Хера ли толку в деньгах, если машину расхерачишь?

– Тогда просто по городу, окей?

– Окей. Я у Славуцкой прочитала, как она заговор сатанистов раскрыла. Двое, говорит, арестованы – и оба повесились. Про тебя она тоже писала. Знаешь, что написала?

– Лена усмехнулась, а Роман хмыкнул:

– Да знаю я.

Они помолчали, потом Роман попросил:

– Расскажи мне про Охотск.

– Фу, – скривила Лена свои красивые губы. – Даже вспоминать не хочу. Зоновские рожи, забухаторы. Нормальные люди выехали все, в цивилизацию, так сказать.

– В цивилизацию – это сюда, что ли? – рассмеялся Роман.

– А что смеешься? Ты бы пожил там, посмотрела бы я на тебя... Кстати раньше, прикинь, Охотск был столицей Восточной Сибири и Русской Америки. И первое мореходное училище за Уралом у нас было!

– Это когда было-то?

– В восемнадцатом веке, вроде бы... – с легкой грустью сказала она. – Ой, смотри, Инга. Вон там, за перекрестком, где эти скульптуры.

Роман взглянул в сторону сквера. Ах, как над этим сквером потешались редкие в этих краях москвичи и даже приезжие из Края! Пластиковый Апполон, пластиковый Геракл с Лернейской Гидрой и другие персонажи греческой мифологии неожиданно выростали между стесненного торговыми центрами скверика. Они напоминали выполненных в манере соцреализма пионеров-героев, женщин с веслом, чебурашек – кого угодно, только не олимпийцев. Роман считал: ну и что? Да, они убоги, эти боги. Но другой античности у нас нет. Пусть хоть такая будет...

Инга разговаривала с каким-то мужчиной и разговор этот, судя по всему, происходил на повышенных тонах. Мужчина схватил Ингу за руку, она оттолкнула его и быстро пошла в сторону одного из торговых центров. Мужчина не стал догонять ее.

Светофор замигал и они поехали.

– А с кем это она, не знаешь? – спросил Роман.

– По-моему – ее знакомый с Охотска, – удивленно ответила Лена. – На нашей улице жил.

– Антон?

– Не помню, – пожала плечами Лена. – А ты его откуда знаешь?

– Так, случайное знакомство. Недавно в баре познакомились.

– Ты еще и в бары успеваешь... Человек-оркестр прямо. Че, сейчас куда?

- На работу, – вздохнул Роман. – Бумажками заниматься.
- Ты не передумал увольняться?
- Уже все, заявление подписано. Дело сдаю – и свободен.

Как муха в полете, как Генстепыч говорит.

– Да забери ты это заявление. Лучше отпуск возьми, все обдумай хорошенько.

– Я полгода назад уже брал отпуск.

– Ну еще возьми. Войдут в положение...

– А какое положение? Никто и не видит ничего такого.

– Ты про аварию?

– Про нее. Знаешь, что мне Геннадий Степанович сказал как-то? «На данный момент ты для общества являешься более ценным субъектом, чем какой-то полубомж».

– А разве не так? – округлила Лена свои тщательно подведенные глаза.

Роман набрал в поисковике запрос «цереброфарм». Совместное российско-японское предприятие по производству медицинских препаратов... Майндбустер... Препарат МайндБустер разрешен к применению в 13 странах, включая такую большую страну, как Индия... в большинстве развитых стран использование препарата запрещено... У склонных к гипертонии с большой вероятностью вызывает резкие скачки давления и тромбозы, резко повышающие риск инфарктов и инсультов... В России разрешено его производство для реализации за пределами страны... Основным доказанным эффектом препарата является резкое повышение когнитивных способностей... Резкий рост ай-кью во всех изученных возрастных группах... На этом фоне происходит снижение эмпатии, прочих эмоциональных реакций без проявлений депрессивного синдрома или снижения мотивации...

Роман открыл сайт компании. Он был англоязычным. Нашел нужный номер, позвонил.

– Цереброфарм, – отозвался приветливый женский голос.

– Здравствуй, здравствуй, Порфирий Петрович! – Олег

встал и приветливо протянул руку Роману.

– Я Роман, мы с вами знакомились на сорок дней у Инги.

– Ну хоть не Родион Романович, – улыбнулся Олег. – Это просто аллюзии к Достоевскому. Не читали «Преступление и наказание»?

– В госпитале читал, после ранения, – ответил Роман, усаживаясь в предложенный стул. – А это у вас Скелетон?

Он похлопал по спинке стула.

– Скелетон, – подтвердил Олег. – У вас, поди, такой же? Для позвоночника очень полезно.

– Ну нет, стул за десятку баксов? Для меня это перебор был бы. Я в инете про одного чиновника читал – зарплата сто тысяч рублей в месяц, а дома такие вот Скелетоны по десятке баксов...

– Я не чиновник, мне можно, – улыбнулся Олег, но глаза у него были не то чтобы холодными, как у киллера какого-нибудь, а просто бесстрастными, как у осьминога. Роман вспомнил Василия из аквариума Николая Арнольдовича – как ловко он съел рыбку! Шевельнулся, взмахнул щупальцами – и рыбки как и не было...

– Вы же друг семьи, как я понимаю? Хотел несколько вопросов про Дашу задать.

– Спрашивайте, – кивнул Олег. – Но только... Я слышал, что дело закрывается, убийца найден?

– Все верно. Я сейчас к закрытию оформляюсь. Мне для проформы надо приложить несколько опросов... А вас я в

свое время упустил. Вы в свободной форме скажите что-нибудь, я протокольчик тут же напишу, вы подпишите – да и все.

– Даже и не знаю, что рассказать вам... Даша хорошей девочкой была. Доброй... Помню на острова поехали, лет пятнадцать назад это было. Жарим мидий в костре, все дела. Я говорю – давайте морских ежей еще возьмем, тут их много. А Даша говорит – не надо ежей убивать, их жалко. Я ее спрашиваю – а мидий тебе не жалко? Она говорит – одно дело ракушки, а другое – ежики. Жалостливая девочка была...

Роман изредка вписывал что-то в протокол, затем протянул листок Олегу:

– Окей, хватает. Вот здесь подпишите. И вот здесь. Тут напишите – с моих слов записано верно, мною прочитано.

Олег прочитал внимательно романовы каракули, расписался. Роман сказал:

– Не для протокола, просто для себя – а что за МайндБустер? Я прочитал, что усиливает интеллект и все такое, но... Фуфломицин?

– Ну что вы, какой фуфломицин! Стали бы японцы у нас открывать производство фуфломицина? Препарат реальный, эффективность доказана. Есть побочки, из-за них в Японии производство запретили. Но мировой спрос имеется – вот и производим. В России не продаем. Но здесь проводим исследования. Не на людях конечно, на дельфинах.

– В нашем НИИТОФе?

– А где же еще? Там и проводим. А вы думали, НИИТОФ только на мясо дельфинов продает? – усмехнулся Олег. – На мясо – это побочно, отходы производства, так сказать.

– И как результаты?

– Работаем над снижением побочных вместе с японскими коллегами. Да по сути – опасность есть только для небольшого процента людей, для тяжелых гипертоников. Вот я сам принимаю уже полгода – самочувствие прекрасное.

Олег достал из стола скромную баночку, вроде поливитаминов, потряс ею.

– А мне можно? – спросил Роман.

– Извините, на территории РФ применение запрещено.

– Это я, – громко сказал Роман.

– Понятно, – донесся до него из комнаты голос жены. – Там суп на плите.

– Ага.

Он сел за кухонный стол, набрал номер.

– Привет. Не в службу, а в дружбу. Мне медицинская карта нужна одна. Богер. Да, этот. Электронная? Вообще супер. А ты прямо сейчас глянуть можешь? Нормально, я подожду.

Роман встал, открыл кастрюлю, закрыл. Открыл окно, закурил. По двору тут и там были разбросаны пятна снега, они сверкали в свете фонарей. Внизу женщина кормила кошек

– около десяти тварюшек собралось вокруг нее, она сыпала им корм, что-то ласково говорила им. Телефон на столе заговорил:

– Алло, слушаешь?

– Ага. Там смотри, мне нужно...

– Нет этой карты. Завтра бумажный вариант посмотрю, бумажные мы тоже сохраняем на всякий случай.

Роман включил плиту – разогреть суп. Достал из сумки ноутбук, воткнул в него флешку. Нашел файл, подписанный, как «Антон Кривоспиченко», включил.

Голос Цоя спросил:

– А в это утро вы где были?

– У меня отдых был, после ночной смены, – ответил Антон. – Я в «Морской Звезде» сидел, бармен подтвердить может.

– Прямо с утра сидели?

– Они с девяти открываются. Я с девяти и был. Похмелье, понимаешь?

ГЛАВА 14. «Проводы»

– Вот, все подшито, оформлено.

Роман положил несколько папок на стол Геннадия Степановича. Тот оторвался от созерцания старинной газеты, рассеяно сказал:

– Молодец.

Роман помялся немного, сказал:

– Извините, что отрываю вас от актуального чтения...

– А что, не актуальное, думаешь? – Геннадий Степанович снял очки. – Центральная газета Дальне-Восточной республики сообщает, что американский консул отвергает все претензии Японской Империи в отношении наших территорий.

– Геннадий Степанович, это же сто лет назад было...

– Было иль не было – а газетка эта стоит пару штук баксов. Весь тираж уничтожили по требованию большевиков. Вот, сигнальный экземпляр остался только.

Геннадий Степанович аккуратно потряс в воздухе пожелтевшей газетой.

– Тут еще смотри, что написано, – сказал он. – Концерт Вертинского отменяется в связи со штормовой погодой. По данным нашего издания, корабль с артистами в ближайшее время останется в Порт-Артуре.

– Я бы на их месте сюда и не плыл бы, – сказал Роман.

– Ладно, ты что-то сказать хотел?

Роман помолчал немного.

– Геннадий Степанович... Вот честно... Вы для меня – как отец. Я помню, как в девяностые был набор следователей. Кого попало брали, лишь бы высшее было. А у меня – только три курса на океанологии и армия... И вы на комиссии сказали – давайте в виде исключения, а завтра он на заочку на юрфак поступает.

– Было такое, дело прошлое. И юрфак мы тебе сделали. А ты это к чему? – спросил Геннадий Степанович. Он встал, прошел к окну, распахнул его.

– Давай здесь курить, – сказал он. – Сигарету дай.

Роман подошел к нему, дал сигарету и сказал:

– Я же знаю, что вы человек хороший. Но в последнее время я вижу... Как бы вам сказать... У нас же главное – закон? Правильно?

Геннадий Степанович прикурил, и спросил очень спокойным голосом:

– Ты, случайно, не охерел? Ты на что намекаешь?

– Просто в этом деле столько всего вскрылось – и столько трупов или полутрупов... Кроме девушек – еще Фимусов, помните такого? И все время вы мне – туда не ходи, сюда не ходи...

– Так это для твоего же блага, дурак. Ну уволишься ты – все равно мир наш тесен. Зачем переходить кому-то дорогу? Надо понимать границы.

– Ну вот я конкретно скажу: мне не нравится, что человек

Терновских пришел и довел до самоубийства подозреваемого. Раньше ведь у нас такого не было!

– А раньше у Терновских дочь не убивали, – жестко ответил Геннадий Степанович.

– Так и по наркотикам вы мне говорили – не лезь туда...

– А зачем тебе туда лезть? – повысил голос Геннадий Степанович. – Ты убийство расследуешь – вот и расследуй. Закончил расследование, негодяи пойманы – все, спасибо.

Он нервно раздавил окурок о подоконник. Роман сказал:

– Помните, вы мне говорили – смотри кому выгодно? Я вот сейчас смотрю, и вижу...

– А что ты сейчас смотришь-то? – разозлился Геннадий Степанович. – Я тебе в начале дела говорил, ты не послушал и ты погнал, побыстрее бы уволиться, материал собрал: вот вам ритуальное убийство. Я тебе, что ли, про ритуальное убийство говорил?

– Геннадий Степанович, я вот что понял...

– Да не колышет уже, что ты понял. Дело закрыто. Завтра тебя торжественно проводим – и не вздумай болтать херню всякую. Если меня уважаешь, как говоришь – так и молчи.

Пиарщица Наташка припечатал к его щеке свои напояженные губы и воскликнула:

– Рому мы все любим! Он достойно отработал на благо

страны и на благо коллектива!

Геннадий Степанович подошел, пожал руку:

– Благодарим за службу!

Все взяли по стаканчику с чаем, чокнулись в воздухе.

– Давай, братан, не теряйся – обнял Романа Пашка.

Роман стер со щеки наташкину помаду, сказал:

– Спасибо, ребята. Мне было приятно с вами работать.

– А со мной – приятно? – спросила запьяневшая Наташка.

– И с тобой приятно, – улыбнулся Роман и поцеловал Наташку в подставленную ею щеку.

– О! Так держать! – крикнуло сразу несколько голосов и послышалось шипение открываемого шампанского.

– Я че заехал... – сказал Терновских. – Маленькая благодарность. Ты же уволился, теперь можно.

Он указал на ящик виски на заднем сиденье.

– Спойть меня хотите в благодарность? – усмехнулся Роман.

– А то ты не будешь увольнение обмывать? Побухаешь пару дней – потом трезвей и надо поговорить будет.

– О чем это? – удивился Роман.

– Хочу предложить тебе работу в моей команде.

– В мэрии что ли? Из меня чиновник так себе.

– Ну в какой мэрии? – скривился мэр. – Мэрии прихо-

дят и уходят, а команда остается. Мне бывшие менты всегда нужны. Вопросы решать. Плачу нормально. Оклад небольшой, но за работу над каждым проектом – хорошая сдельная оплата. Ты подумай не торопясь.

Роман кивнул и вышел из машины.

– Вискарь-то заberi, – сказал Терновских в открытое окно.

Он лежал на диване, курил и пил виски. По телевизору начались местные новости.

– Правоохранительными органами раскрыта и пресечена деятельность серийного убийцы, вот уже несколько дней терроризировавшего город.

Роман выключил звук, просто смотрел на картинку, где он объясняет журналистке какие-то детали расследования. Он переключил канал, шел какой-то старый черно-белый фильм. За окном было темно, лишь ближний фонарь просвечивал сквозь штору тусклым пятном. Роман взял телефон, набрал Андрюху.

– Привет. Не поздно? Не в службу, а в дружбу. Можешь посмотреть данные по одному человеку? Ну надо, да. Кривоспиченко Антон. Да, работник из НИИ ТОФа. Знаешь, интересно – есть ли у него гараж и где этот гараж находится. Это по одному человеку. А еще по второму... Богер. Заклю-

чение о смерти нужно. И еще, по этому Богеру – что у него в собственности имелось?

ГЛАВА 15. «Грусть»

– Быстро же ты по работе соскучился, – усмехнулся Геннадий Степанович. – Давай только быстро, у меня совещание через десять минут.

Роман прокашлялся.

– Вновь открывшиеся обстоятельства, – сказал он. – Вы только до конца выслушайте, хорошо?

Он достал из-за пазухи свернутый листок, расправил.

– В общем так. Почти два месяца назад от инфаркта на фоне гипертонического кризиса скончался предприниматель Богер. Результаты экспертизы ничего подозрительного не выявили. Единственно, что микроэлементный анализ показал немного повышенное количество селена. Небольшое повышение, такое может быть результатом потребления некоторых морепродуктов. Но.

Роман остановился, взглянул на Геннадия Степановича. Тот внимательно слушал.

– Продолжай, – кивнул головой бывший шеф.

– Есть такой препарат, МайндБустер. Применение у нас в стране запрещено – а производство на экспорт разрешено. И производится этот препарат небольшой компанией ЦереброФарм. В которой у покойного была небольшая доля. Действующее вещество создано на основе селен-органических соединений. И у гипертоников даже в небольших дозах мо-

жет вызывать инфаркты и инсульты. Предприятие Церебро-Фарм сейчас расширяется, строят новый корпус. Эта небольшая доля становится намного более значимой. Плюс у покойного – половина Морского рынка, плюс земля в хорошем месте. Да и квартира, в конце концов – новая большая, немалых денег стоит.

– А кто наследники?

– Наследницей была Дарья Богер. Вторая жертва.

– Интересно.

– Сейчас единственной наследницей является Инга Богер, вторая жена.

– А, так ты все же решил последовать моему совету – посмотреть кому выгодно? – спросил Геннадий Степанович.

– Ну да...

– А что ж так рано? Почему не через десять лет после убийства? – иронично поинтересовался Геннадий Степанович.

Роман смущенно помолчал. Потом сказал:

– Никогда не поздно.

– А это как сказать, как сказать. Ладно, продолжай. При чем же здесь остальные убийства?

– Инга наняла киллера. На нормальных профессионалов выходов у нее не было. Но был старый знакомый из Охотска. Вроде с детства знакомы, на одной улице жили. Контрактник, в трех кампаниях участвовал. Привлекался к ответственности за жестокое обращение с мирным населением

– но как-то выкрутился. Но на службу его больше не брали. Стал пить, устроился рабочим в НИИТОФ.

– Это ты ДНК дельфина привязать хочешь?

– Ага. Там он не только с дельфинами контактировал – а участвовал в препарировании. Да попросту говоря – в разделке на мясо для продажи за границу под видом научных препаратов. Там немудрено всему этой ДНК измазаться. Алиби есть, но сомнительное. Если считать, что жертвы были похищены на пути в училище, то произошло это примерно в восемь пятнадцать утра. А алиби у него только с девяти в один день, в другой – с девяти пятнадцати. Причем по одному дню алиби совсем сомнительное. Подтвердить мог бы только Николай Арнольдович из НИИТОФа – но он, так сказать, неудачно поскользнулся. Дальше он начитался версий у Славуцкой в блоге – и решил все подогнать под ее версию. Первое убийство он совершил по ошибке – обознался то есть, из-за шапочки. А заказ-то надо выполнять было... Вот и второе. Третье – для закрепления нашей версии и конкретного указания на Саурана. Очень удобная фигура, уже замазанная в деле о пропаже девушки, в чертовщине всякой. Пришел, заставил бумажку написать, разбросал улики, повесил Саурана. Бабку пришлось убрать, как свидетельницу. Ну вот как-то так.

– Очень интересная история, – сказал Геннадий Степанович. – Настоящий детектив, да. Можешь повесть написать, денег заработать. Но чего ты от меня-то сейчас хочешь?

– Как чего? – удивился Роман. – Надо дело по новой открывать.

– По новой? После того, как победно отчитались? Когда на всю страну доблестно прогремели?

– Ну а как? Вон, когда Чикатило ловили – невинного человека приговорили к расстрелу. Но потом ведь все равно дело по новой пошло – и взяли настоящего преступника.

– Это потому что убийства после расстрела мнимого ма-
ньяка не прекратились. А если бы прекратились – то и не было бы никакого нового дела.

Геннадий Степанович задумался. Потом сказал:

– У тебя отправной точкой, от которой всю закрутилось, является предполагаемое отравление Богера, правильно?

– Так точно.

– Тогда давай мы тихонько оформляем эксгумацию, проводим повторную экспертизу, находим достоверные, однозначные следы этого твоего секретного препарата – и вот тогда о чем-то можно будет говорить. Идет?

– Конечно! – обрадовался Роман. – Еще как идет! И как дело открываем – сразу надо гараж Кривоспиченко осмотреть. Даже если он там все вымыл-перемыл – следы должны остаться.

Геннадий Степанович покачал головой, спросил:

– А тебя не смущает, что предполагаемая подозреваемая – сестра твоей подруги? Как ее там – Лена?

– Что грустный такой? – спросила Лена, глядя на него с тревогой. День был солнечным, ярким – но похолодало довольно резко и все улицы превратились в сплошной каток. Они медленно ехали по городу, мимо сбросивших почти все листья деревьев, мимо покрытых ледком луж и редких прохожих.

Роман вздохнул.

– Так, ничего. Просто настроение плохое. Бывает же так?

– Бывает, – ответила Лена. – Ну ты не грусти. Давай вечером сходим куда-нибудь. Ты же сейчас ничем не занят?

– Сегодня не получится.

– Ты какой-то не такой. Случилось что-то?

Роман помолчал, попросил:

– Отвези-ка меня домой.

Вечером позвонил Геннадий Степанович.

– Не получится у нас ничего с этой твоей версией.

– Что такое?

– А нечего эксгумировать. Тело-то кремировали, согласно завещанию.

ГЛАВА 16. «Диалоги об эмпатии»

– Что, решился новую жизнь в нашей славной команде начать? – спросил Терновских, приглашая Романа присесть. Чучела животных безмолвно наблюдали за их беседой.

– Я совсем по другому поводу. Открылись новые обстоятельства...

Лицо Терновских мрачнело по мере рассказа. Когда Роман закончил, он спросил:

– Чем подтверждается твоя версия? По вашим же собственным данным – все улики указывают на Саурана.

– Еще по первой жертве экспертиза показывала следы моторного масла. То есть на что-то вроде гаража. Гараж у Кривоспиченко имеется. Если следы биологических материалов где-то и сохранились – то это там.

– Да он уже на десять раз свой гараж простерилизовал, – с сомнением сказал Терновских.

– Современные методы не так просто обмануть. У любого человека постоянно выпадают волосы, например. Там хоть замойся. Единственный надежный способ полностью с гарантией скрыть улики – сжечь гараж. А для надежности – и машину сжечь. Проблема в том, что дело закрыто. А без дела никто обыскивать его гараж не будет – нет оснований.

– Нет оснований, говоришь? – задумался Терновских, побарабанил пальцами по столу. – А если поступит сигнал, что

в гараже хранятся наркотики?

– А разве они там хранятся? – удивился Роман.

– А почему бы им там не храниться? Сто грамм фентаниловой смеси – достаточный объем?

– Это уже особо крупный, – кивнул Роман. – Вот только если дело по наркоте будет – никто не будет тщательно заниматься сбором биоматериалов. Надо многоходовочку делать.

– Есть идеи? – спросил Терновских.

– На вас и в самом деле оформлено детективное агентство?

– А вдруг не сработает? – спросил Геннадий Степанович. – Дураком меня выставишь.

– А вы причем? Действовать ведь менты будут.

Геннадий Степанович помолчал, потом спросил:

– А с чего ты решил, что он будет гараж жечь?

– Если сработает, как я хочу – будет.

– Если даже сработает – надо ведь, чтобы менты вовремя отреагировали.

– В дежурной группе сегодня и завтра свои ребята будут. И если дело выгорит – им ведь тоже почестей перепадет. И ничего незаконного-то от них не требуется. Просто отреагировать на сообщение бдительного частного детектива... – сказал Роман.

– Ну эта... Поступил к нам в агентство заказ от гражданина... – Вадим запнулся, посмотрел в бумажку, – гражданина Ибрахимджонбердыева. – Приревновал он свою жену к некоему гражданину Кривоспиченко. Есть, говорит, подозрение, что жена встречается вечерами в гараже с этим Кривоспиченко. Мы установили наблюдение, все в рамках закона. Вчера смотрим – он с какими-то подозрительными личностями возле гаража перетирает что-то. Я снять это не успел, но видел – он пакет берет, им деньги отдает.

– Так мало ли что в пакете. Может, он соль для засолки огурцов покупал, – сказал усталый полицейский. Вадим кивнул.

– Может и соль. Но мы провели опрос соседей. Имеем право, с их ясно выраженного согласия. Проживающий в тридцать пятой квартире гражданин Буханкин уверяет, что в квартире, которую арендует Кривоспиченко, торгуют наркотиками. Мол, постоянно туда наркоманы ходят.

– И что ваше агентство от нас хочет? – усмехнулся полицейский. – От самих жителей этого дома жалоб вроде не поступало.

– А вот заявление, тут все расписано и оформлено. Вчера из разговора слышал, что на сегодняшний вечер они там в гараже опять о встрече договаривались, наркоторговцы эти.

Дверь распахнулась, зашел оперативник Цой.

– Что там у нас? – спросил он. – Можно?

Он взял бумагу с заявлением.

– Вот сволочи эти наркоторговцы... – сказал он возмущенно. – Надо реагировать, надо.

Дежурный забрал бумагу у Цоя, нехотя начал оформлять прием заявления. Вадим чуть заметно улыбался.

– Ишь, частные детективы... Не знал, что у нас в городе такие есть, – проворчал дежурный. – На вид вы никакой не детектив. На бывшего бандита похож... Это тебя недавно за разбитую витрину забирали?

– Так то ошибка была, – важно сказал Вадим. – Органы разобрались – и отпустили.

– У вас на телеке интернет есть? – спросил Роман. Терновских кивнул, включил большую панель.

– Блог Славуцкой включите.

Славуцкая зачем-то покрасила свои волосы в красный цвет. Она сказала:

– Тема моего сегодняшнего ролика – это Загадка Гаража. Те, кто следил за моим расследованием потрясших наш город ритуальных убийств знают, как я помогла нашим недоблестным правоохрентелям избавить наш город от монстра, известного под прозвищем Саурон. Да, этот мудака виновен в

исчезновении как минимум трех девушек. Но виновен ли он в четырех убийствах, благодаря которым прославился? Как мне стало известно, на телах жертв были обнаружены следы моторных масел и прочей дряни, которой полно в наших гаражах. Однако, как мне стало известно, гараж самого Саурана никто детально даже и не обследовал. И я задумалась: а что, если убийца – кто-то другой, а Саурана он просто подставил, благо дурная слава к этому располагала? Из моих источников мне стало известно, что вообще ни один гараж в рамках этого дела никакому осмотру не подвергался. Ротозейство ментов и следователей меня не удивляет. Но хочется крикнуть в эфир: вы, блин, хотя бы сейчас можете весь круг подозреваемых проверить по этому параметру? Даже если убийца провел в гараже полнейшую дезинфекцию, современные методы позволяют найти следы биологических материалов жертв. Улики могут исчезнуть только в одном случае: если гараж сгорел. Да, если гараж у кого-то из подозреваемых сгорел – это может быть косвенным свидетельством против него. Но доказать что-либо будет уже невозможно...

Роман забрал у Терновских пульт, убрал звук.

– Ты ей текст писал, что-ли? Ментовщиной отдает, – сказал Терновских.

– Я так, только тезисы набросал, – улыбнулся Роман.

Заиграл звонок. Телефон на громкой связи сказал:

– Объект вышел из дома. Едет в северном направлении, к трассе.

– Давай тихонько за ним, – сказал Роман.

Терновских встал:

– А мы проследим, чтобы все сработало как надо.

Он подошел к маленькому оружейному сейфу, достал пистолет.

– А вот это лишнее. Надо убийцу по закону брать, – сказал Роман.

– А пусть берут по закону, – сказал Терновских. – Это для контроля.

– Ну надеюсь, не для контрольного выстрела.

Терновских криво усмехнулся.

– И что ему грозит, уроду этому? – спросил Терновских, когда они сели в машину.

– Тут явное пожизненное, – ответил Роман.

Терновских положил пистолет в бардачок.

– То есть он мою дочь убил, еще кучу народу – и будет жить за счет налогоплательщиков, – констатировал Терновских.

– Таков закон.

– А вот ты говоришь, что запустил всю эту цепочку Олег.

– Это предположительно.

– Но ему-то и вовсе ничего не будет?

– Ну если Инга даст показания, если будут подтверждение

от других свидетелей...

– Если, если... Если по-вашему, по ментовски, ты даже непосредственного заказчика убийства к ответу толком не привлечешь. Не говоря уж о вдохновителе.

– И что ты предлагаешь?

– А я ничего не предлагаю. Сейчас посмотрим на твою версию – побежит мутила жечь свой гараж или нет. С чего ты вообще решил, что он ролик посмотрит?

– А он есть в подписчиках у Славуцкой. Если он виновен – то уж за ее блогом следит, как кошка за мышью. Мы вчера несколько анонсов выпуска делали, потом в новостях местных на ТВ смогли подвинуть упоминание об этом материале, ну и на радио вечером четыре раза повторили по разным поводам.

– У тебя все нормально со связями, я смотрю, – одобрительно сказал Терновских.

– Подальше остановим, к гаражу близко вам уж точно подходить не надо. Там возле гаража Вадим на связи. Цой наготове с ребятами. А фентанил-то там точно есть?

– За это не беспокойся. Инфа сто процентов, – усмехнулся Терновских.

Они подъехали к гаражному массиву. Роман приоткрыл дверь, закурил.

Раздался сигнал телефона. Вадим по громкой связи прошептал:

– Есть, закрылся там.

Роман набрал Цоя:

– Поехали.

Терновских взял пистолет, вылез из машины.

– Я проконтролирую.

Роман тоже вышел, взял Терновских за рукав.

– Ты там все испортишь на хер. Есть расписанный план.

Нам важно словить его именно в момент поджигания гаража. Когда уже облил все бензином – но еще не поджег. Чтобы поджечь, он откроет дверь – и выйдет. В этот момент ребята его и возьмут. Успеет спичку кинуть – улик по убийствам не будет. Не успеет – мы его сразу упакуем за фентанил, а Геннадий Степанович дело заново откроет. Ясно?

– Хера ли тут не ясного? – буркнул Терновских и пошел к воротам гаражного общества. Пистолет он держал просто в руке, никак его не скрывая.

Роман нагнал мэра, выкрутил ему руку, забрал пистолет, нанес мэру страшный боксерский удар в корпус, а потом, уже согнувшись – в лицо.

– Не мешайте следственным действиям, – сказал он и быстрым шагом пошел к гаражам.

Дверь распахнулась. Антон Кривоспиченко огляделся. Подошел к своей машине, что-то взял в бардачке, сунул в карман. Сел в машину, завел ее.

– Тихо, – шепнул Роман Вадиму. Они лежали на крыше соседнего гаража. Вадим держал камеру. На гараже Кривоспиченко лежал Цой и три черных фигуры. Роман сделал ему знак: жди. Цой кивнул.

Кривоспиченко развернул машину к выезду, вышел, оставив дверь открытую, направился к своему гаражу. Роман махнул рукой. Цой и три фигуры спрыгнули с гаража, Цой крикнул:

– Руки за голову, сука!

Кривоспиченко моментальным движением выхватил у него пистолет, прижал Цоя к себе, а пистолет к его виску. Огляделся:

– И кто тут сука? – он больно ткнул Цоя пистолетом в висок.

Старший группы захвата крикнул:

– Отпусти пацана!

– Какой он пацан? Он опер, – возразил Кривоспиченко. – Я сейчас пройду к машине, а вы опустите свои пугалки. А то ему песок. Мне терять нечего.

Старший сделал знак, все опустили оружие. Кривоспиченко, не выпуская Цоя, подошел к старшему группы.

– А ты участвовал?

Старший молчал.

– По глазам вижу, что не участвовал. Не, ты не обижайся, ничего такого. Просто давай я тебе кратко объясню. Я против тебя и твоих ребят ничего не имею. У вас такая работа, у

меня такая судьба. Но я вот так в Грозном стоял – и мне автомат в голову боевики тыкали. А я живой, вот он здесь стою, перед тобой. Ты пока на гражданке звездочки зарабатывал или там почетные грамоты – я там за всех нас, за страну нашу под ихними автоматами стоял. Но вот смотри – я живой. А те черти, которые в меня автоматом тыкали – они сейчас в могиле. И ты наверное уже понял, что я живым не собираюсь сдаваться? И что у меня в кармане – ты понимаешь. Сейчас я либо вашему узкоглазому другу башку отстрелю, либо...

Он быстрым движением достал из кармана гранату.

– Уловили, ребята? Давайте мирно разойдемся. Мне нужна фора – пять минут. И мы больше не увидимся никогда.

Кривоспиченко сплюнул и сказал уже другим голосом, командным:

– А сейчас бросили на хер оружие на землю. Быстро.

Старший группы бросил на землю автомат, вслед за ним это сделало и двое других бойцов.

– Вы не сюда бросайте, а ко мне. Только без глупостей.

Автоматы оказались у него под ногами. Он улыбнулся чему-то, сказал:

– Вы про себя ничего такого не думайте. Вы нормальные бойцы. Просто бывает и вот так. И у меня такое бывало.

Кривоспиченко собрал автоматы, потащил Цоя к своей машине. У машины он ударил Цоя, тот упал, неразборчиво матерясь – а Кривоспиченко заскочил в машину и дал по газам.

Роман по крышам сросшихся гаражей побежал к выезду. Машина Кривоспиченко чуть не сбила Терновских, который как сомнамбула брел по гаражному переулку со старой доброй битой в руке.

Роман спрыгнул с гаража:

– Ключи от машины дайте. Я его возьму, дело принципа.

Для убедительности Роман приставил к лицу Терновских пистолет.

Терновских хотел сказать нечто длинное и заковыристое, но в итоге изрек только что-то вроде «потом поговорим» и сунул Роману ключи.

Дорога эта была почти заброшенная, но по ней можно было выехать на Рицевскую трассу. Роман гнал машину по обледеневшим ухабам и в режиссерской версии этого сценария нужно было бы описать подробно: вот здесь он чуть не врезался в дерево, вот тут машина забуксовала, а тут тормоза закрипели – и дым из под крышишек... Но тут мы ограничимся констатацией: машина Кривоспиченко на резком повороте не вписалась и опрокинулась в кювет. Он выбежал, побежал в лес отстреливаясь от Романа. Роману повезло больше – и вот теперь он стоял над Кривоспиченко, который лежал, одной рукой обхватив деревце, а другой сжимая гранату с выдернутой чекой.

– Тебе-то чего надо? – спросил Кривоспиченко. – Видишь, подыхаю я.

Роман замялся, оглянулся зачем-то вокруг. Тишина, только птичка какая-то: цвирк-цвирк. Цвирк-цвирк.

– На хера ты это все? Из-за денег?

– А что? За деньги типа стыдно убивать? С хера ли стыдно – мне за это государство платило несколько раз.

– Ну че ты гонишь, – сказал Роман. – Там же ты против бандитов воевал. А тут – сам стал бандитом.

– Да тут деньги не при чем. На любовь меня развела эта сука. А потом такая – какая любовь, вот тебе деньги...

Он выплюнул кровавый сгусток. Снег вокруг него был красным.

– Живот ты мне пробил. Скоро завоняет. – сказал Кривоспиченко. – Меня вот это всегда больше всего удивляло. Я в детстве читал в какой-то книжке – над полем боя стоял запах смерти. И я как-то представлял романтично этот запах смерти. А потом еще на первой – нас накрыло, у двоих парней живот разворочен был. И я понял что это за запах смерти такой.

Он вскрикнул, а потом деланно бодро сказал:

– Ха-ха, запах смерти. Беги отсюда, дурак.

Роман бросился за толстый ствол ели с мрачной, почти черной хвоей.

Раздался взрыв.

– Вот это да, снега-то сколько! Настоящий Новый год! – сказала Роману жена.

Они проезжали мимо заранее наряженной городской елки. Елка в вечерней темноте сверкала огнями, а с неба падал чудесный рождественский снежок. Роман библикнул знакомому водителю, приветственно приподнял руку, улыбнулся.

– Вся эта твоя история – она ужасна и прекрасна, – сказала Ира. – Я ее внимательно прочитала. Не скажу, что мне понравился мой тусклый образ, но Бог с ним. Но почему ты так назвал свою историю? Кто осьминог? Инга? Ну из нее осьминог так себе. Обчиталась манипулятивной психологии, решила поиграть на чувствах неудачливого контрактника. Этот Кривоспиченко? Так он вроде ради своей детской любви к Инге весь этот геноцид и устроил, не из-за денег... Надеюсь, не я этот твой осьминог? И вообще, на картах Таро тебе тогда выпала вовсе не карта Дурак. Тебе же карта Маг выпала, зачем исказил? Но про осьминога – вот это мне совсем непонятно...

Она скорчила милую гримасу.

– История немного незакончена. Ты пять минут подожди – и увидишь завершение, – улыбнулся Роман.

Они подъехали к хайтечному офису с гордой неоновой вывеской ЦереброФарм. Роман остановил машину, посмотрел

рел в телефоне время, вышел.

– Мы же на ты? – улыбнулся Олег.

– Не помню, – пожал плечами Роман.

– Прослушек здесь нет. На тебе их тоже нет – если верить моей охране, а я ей верю. Поэтому хочешь – я тебе скажу, зачем ты пришел?

– Просто посмотреть на тебя, – сказал Роман.

– Нет, не просто. Ты лоханулся. Запоздало чего-то там разгадал – но все в рамках закона.

Олег распахнул пиджак, показал майку с изображением веселого спрута.

– Твой спрут никого даже и не опутывает. Он пользуется непроходимой глупостью других так называемых людей, – сказал Олег. – Знаешь, в чем отличие осьминога от человека?

– У осьминога нет эмпатии. Ему по хер эмоции других осьминогов. А еще он – глупее.

– Точно! – Олег поднял вверх указательный палец. – Если бы у осьминогов был нормально развитый, хотя бы на уровне человека интеллект – они бы давно правили миром. А если бы у людей не было всякого балласта, вроде эмоций – они бы уже к звездам летали.

Олег достал баночку с яркой надписью «МайндБустер».

– Угостить? – спросил он Романа.

Тот отрицательно покачал головой. Спросил:

– То есть у тебя такой крутой неэмоциональный интеллект и ты все продумал?

– Продумал, – развел Олег руками. – А как же? Маленький намек... Забытая в ванной баночка... Еще намек... А тут – немного подправить...

– Ты же депутат, да? – перебил его Роман.

– Депутат, и что? – удивился Олег.

– Тебе на аренду квартиры государственная дотация выделяется, да?

– Выделяется...

– Ты на эти деньги снял квартиру и сдавал ее в субаренду под кабинет психолога, верно?

– Это ты к чему? Там копейки какие-то... Ха-ха, – неуверенно рассмеялся Олег.

Роман встал и отчеканил давно заготовленную фразу:

– Хищение в крупных размерах, вот что. Сейчас ты, сука, на пятерочку присядешь, вот что. А там на зоне...

Из-за двери слышались возмущенные голоса охраны. Роман вышел, приветственно махнув рукой масочным ребятам из группы захвата.

Он сел в машину, бибикнул три раза, крикнул:

–Йес!

Мудрая белая кошка, сидевшая на поребрике неподалеку, поморщилась от всех этих громких и неуместных звуков.

– Знаешь, в этой истории всех конечно жалко, из погибших, – задумчиво сказала Ира. – Но из живых... Из живых мне Лену очень жалко.

Они помолчали. Потом Ира обняла его, сказала:

– Поехали.

И они поехали. И в воздухе грохнул фейерверк, и искры его смешались с радостными позитивными снежинками, и елка сияла лиловыми китайскими игрушками, и наблюдавшая всю эту благостную картину мудрая кошка мяукнула пренебрежительно – и скрылась в темноте.

КОНЕЦ ФИЛЬМА

Связаться с автором можно через аккаунт «Борис Мышлявцев» в Фейсбуке.